B9 612

Property of Princeton University Library

139 612

КАЛМЫКИ.

9 522
Н-74

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

СОСТАВИЛЪ

М. Новолѣтовъ.

Изданіе владѣльца Малодербетовскаго улуса Нойона
Церенъ-Давида Тундутова.

Ф. 4149/1/2786

ПОГАШЕНО

К.У.Т.В. ПОГАШЕНО им. Сталина

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА НИ КП ПОГАШЕНО

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. В. Демакова, Новый пер., 7.
1884.

Проверено 1937 г.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
517050

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 30 апрѣля 1884 г.

КАЛМЫКИ.

Историческій очеркъ.

Разбирая вопросъ о калмыкахъ, необходимо коснуться пребыванія ихъ въ Азіи, чтобы указать причину оставленія ими своего отечества и время перехода въ Россію.

Монголовъ, до XIV столѣтія, можно подраздѣлить—на принявшихъ магометанство и буддистовъ. Монголы, принявшіе магометанство, пали раньше монголовъ, державшихся буддизма. Нашъ историкъ г. Костомаровъ, въ статьѣ своей о Куликовской битвѣ, говоритъ, что «Кипчакское царство обезсилило вслѣдствіе упадка нравственныхъ силъ своихъ владыкъ». Ученіе пророка вывело ихъ изъ сухихъ, строгихъ правилъ буддизма, указало имъ новую жизнь, полную наслажденій, — съ перемѣною образа жизни, пропалъ гордый духъ властителей.

Съ окончательнымъ паденіемъ монголовъ - магометанъ, одновременно началось разложеніе и буддистовъ, такъ что и этотъ вѣковой камень пошатнулся. Съ XIV столѣтія началась религіозная борьба ламаизма съ старымъ шаманствомъ. Хотя реформа Цзонковы не старалась затронуть жизни народа, а перевернуть только среду, направлявшую въ него религіозныя убѣжденія и посредствомъ ея пересоздать послѣдній; но во всякомъ случаѣ, эта борьба была началомъ. Съ перемѣною религіозныхъ убѣжденій, единство духа, та громадная сила, двигавшая народъ, стало ослабѣвать. Сила и значеніе, вслѣдствіе внутреннихъ раздоровъ, начали падать. Вражда племенъ

переходила въ потомство — и монголы, когда-то грозная сила, разъединились.

Племена, отдѣлившіяся отъ общей массы, хотя образовали изъ себя союзъ извѣстный въ исторіи подъ названіемъ *Дербюнъ-Ойрадъ*; но онъ былъ основанъ на самыхъ разнородныхъ началахъ. Еслибы племена имѣли одинаковыя стремленія, то союзъ могъ бы составить еще политическую силу; но вражда продолжалась; интересы каждаго племени не ставились въ общую связь союза и порождали столкновенія; первенство въ союзѣ было главнымъ предметомъ вражды и войнъ между владѣтелями. Такимъ образомъ, весь періодъ до XVIII столѣтія, шелъ въ нападеніи одного поколѣнія на другое. Въ особенности, междоусобіе дошло до высшихъ размѣровъ въ XVII столѣтіи.

Когда союзъ Ойрадскій падалъ, давимый властолюбіемъ своихъ предводителей и въ особенности завоевательными замыслами зюнгарскаго Эрдени-Батуръ Хунъ-Тайджія, предводитель торгоутскаго племени Тайша Хо-Орлюкъ (въ переводѣ: вихрь-дьяволъ), взявъ своихъ подвластныхъ 50,000 кибитокъ (семействъ), двинулся въ предѣлы Сибири, а оттуда перешелъ на Уралъ и на Волгу.

За отдѣленіемъ Торгоутовъ, чрезъ что союзъ былъ обезсиленъ, предводители увидали гибельныя послѣдствія неурядицы. Прекратилась вражда, существовавшая столѣтія. Въ 1640 году необходимость вызвала собраніе сейма, на который былъ приглашенъ и Хо-Орлюкъ. На этомъ съѣздѣ было разсмотрѣно положеніе союза, отношенія ойрадовъ къ монголамъ, приняты мѣры для огражденія отъ внѣшнихъ враговъ и наконецъ, для утвержденія порядка внутри народа, были установлены первые гражданскіе законы.

Чрезъ этотъ съѣздъ предводителей, нужно было предполагать, водворится миръ и тишина; но соки, впущенные въ гнилое дерево, не могли поддержать его. Раздѣлъ подвластныхъ Эрдени-Батуръ Хунъ-Тайджіемъ былъ началомъ. Вражда возгорѣлась сильнѣе прежней; въ продолженіи почти 40 лѣтъ, война положительно не прекращалась; народъ былъ доведенъ до крайности—и исходъ XVII столѣтія положилъ конецъ мо-

гуществу этого, когда-то знаменитаго народа, — Ойрадскій союзъ палъ.

Племена, раздѣленныя между собою, избѣгая завоеваній монгольскаго Бошокту хана, ушли которыя куда могли. Такимъ образомъ, очутились буряты въ Сибири; образовалось племя тунгусъ, выведенное Ган-Тимуромъ въ 1667 году [1]); многія племена частями разбрелись по лѣсамъ и тундрамъ Сибири; часть же двинулась къ торгоутамъ на Волгу. Это былъ второй сюда переходъ. Такъ, постепенно переходили съ народомъ: Хошоутовскіе: Кюнделѐнъ-Убуши въ 1672 году, Дорджи-Раптàнъ (жена Цецѐнъ хана) въ 1676 г., Дербетевскій Солòмъ Церѐнъ-Тайши въ 1672 г., Цагàнъ-Бàтыръ въ 1686 г. и Бàтуръ-Тайши въ 1723 году.

Изъ навшаго союза уцѣлѣла только одна Зюнгарія, сосредоточившаяся около Кёкё-Нура, которая и просуществовала еще около столѣтія. Усилившись завоеваніями, управляемая опытною рукою, Зюнгарія въ первой четверти XVIII столѣтія, сдѣлалась грозою для средне-азіатскихъ народовъ. Изъ донесенія оберъ-коменданта Митрофанова въ Петербургъ 10 марта 1723 года (Д. 1723 г. № 23) видно, что зюнгарцы разбили каракалпаковъ и взяли у нихъ четыре города: Ясу столицу хана, Сауранъ, Ташкентъ и Туркестанъ и наводили страхъ на прилегавшія китайскія владѣнія и на Кайсакъ (въ Пол. Собр. Зак. т. IX 1734 г. № 6571 есть указанія на завоенія Зюнгаріи въ средней Азіи и на отношенія къ киргизъ-кайсакамъ, каракалпакамъ, бухарцамъ, хивинцамъ и Китаю). Но Зюнгарія недолго блаженствовала подъ правленіемъ Хунъ-Тайджія (Хонь-Тайша, Контайша). При слабомъ сынѣ его Галдàнъ-Церѐнѣ, междоусобіе вновь возгорѣлось и дошло до крайнихъ предѣловъ; сосѣдственные народы частями начали громить, — наконецъ, въ 1757 году и Зюнгарія пала, будучи разбита китайцами и присоединена къ ихъ владѣніямъ. Народъ разошелся въ разныя стороны и большею частію попалъ въ плѣнъ къ киргизамъ и другимъ степнымъ народамъ, чрезъ которые былъ путь. Въ это время начался третій переходъ

[1]) Князья Гантимуровы ведутъ отъ него свой родъ.

на Волгу. Въ 1755 году, двинулся съ частію подвластныхъ Хойтскій Амуръ-Санàнъ съ братомъ Иши-Данджинъ (Амуръ-Сананъ и Иши померли въ Тобольскѣ, а на Волгу прибыла только жена послѣдняго Битэ, дочь Галдана Церена. Д. 1761 г. № 360). Въ 1758 году, пришелъ владѣлецъ того же племени (Хойтъ) Деджидъ съ 800 зюнгарцевъ и въ 1759 году торгоутовскій владѣлецъ Шеарèнгъ и зюнгаровскіе: Сандыкъ, Шарà-Кюкèнь, Хойдъ-Шеарèнгъ, Суйдунъ, Норбò Церèнъ, Уранхàй, Міонгонъ, Джирàнъ (Джиргалъ), Ерèнъ и Тегусъ-Менко, — всего съ ними вышло около 10,000 кибитокъ. Вслѣдъ за ними же, въ Россію двинулся Зайсангъ Хасàнъ-Шарà, около котораго собралось до 10,000 кибитокъ; но получивъ свѣдѣніе, что Дондокъ-Даши-ханъ, вышедшихъ съ Деджитомъ зюнгарцевъ разбилъ по разнымъ мѣстамъ, онъ повернулъ обратно и передался въ Китай.

Этимъ краткимъ очеркомъ мы закончимъ статью о Дербенъ Ойрадахъ, а начнемъ болѣе подробный взглядъ о калмыкахъ, за время пребыванія ихъ въ новомъ отечествѣ, гдѣ постараемся указать: какъ строилось это общество, значеніе его для государства, отношенія хановъ къ правительству и мѣры, подвести калмыковъ подъ общее государственное положеніе.

Мнѣнія о времени первоначальнаго перехода калмыковъ въ Россію различны. Нѣкоторые признаютъ 1630 годъ, когда Хö-Орлюкъ въ первый разъ пришелъ на Волгу; другіе-же, напротивъ, считаютъ переходомъ исходъ XVII столѣтія — время Аюки хана.

Оба эти мнѣнія справедливы. Хö-Орлюкъ дѣйствительно первый вышелъ, если не въ 1630 году, то приблизительно около этого времени [2]) и онъ изъ Россіи ѣздилъ въ Зюнгарію на сеймъ, который былъ въ году *Темѝръ-Лу* (желѣзодраконъ, соотвѣтствуетъ нашему 1640 году). Съ другой стороны, только во время Аюки хана, калмыки уже постоянно водворились на Волгѣ, а до этого они дѣлали постоянныя

[2]) Габунгъ-Шарабъ (см. Ист. Калм. Хан. Астр. губ. вѣд. 1860 г. № 19) говоритъ, что ставка Дайчина: (старшій сынъ Хö-Орлюка) расположилась при р. Волгѣ, въ 1632 году.

передвиженія въ Азію и обратно и ихъ нельзя было считать утвердившимися на русской территоріи. Хö-Орлюкъ хотѣлъ даже возвратиться въ составъ союза, но его удерживали только завоевательные замыслы зюнгарскаго Эрдени Батуръ Хунъ-Тайджія [3]). Передвиженія въ Азію и обратно подтверждаютъ, что онъ выжидалъ только прекращенія смутъ, чтобы возвратиться на прежнія мѣста; когда же въ 1670-хъ годахъ, ойрадскій союзъ палъ, то торгоуты оставили мысль о соединеніи, окончательно отдѣлились въ Россію и сюда къ нимъ, какъ мы видѣли, начался второй переходъ. Это время есть начало ханства Аюки.

Замѣчательно, что мнѣнія, о переходѣ калмыковъ въ Россію во время Аюки, держатся азіятскіе народы и сами калмыки; тогда какъ во всѣхъ статьяхъ русскихъ писателей, переходъ калмыковъ показывается временемъ Хö-Орлюка [4]). Цеценъ-ханъ (племени Хошутъ), изучившій состояніе ойрадовъ, сказалъ: «*развѣ торгоуты не на краю свѣта*», чѣмъ естественно указывая на откочевку ихъ къ предѣламъ Россіи, продолжалъ: «*впослѣдствіи они поддадутся русскимъ или китайцамъ.*» Дугаръ сказалъ своему племяннику Аюкѣ: «*Если мои дѣянія непогрѣшимы*» (если онъ не можетъ ошибаться), «*то ты Аюка, почему бы то ни было, непремѣнно пойдешь въ Россію.*» (Астр. губ. вѣд. 1859 г. № 50). Изъ этого видно, что во второй половинѣ XVII столѣтія, въ средѣ ойрадскаго союза, существовало мнѣніе, что торгоуты еще не отдѣлились.

Хотя послы Шукуръ-Дайчина (сына Хö-Орлюка), по шерт-

---

[3]) 7 прим. къ ист. Калм. Хан. Астр. губ. вѣд. 1860 г. № 26. Фишеръ въ своей исторіи (стр. 419—420) говоритъ, что послѣ бывшаго сейма, именно въ 1643 г., Хö-Орлюкъ двинулся на Волгу, гдѣ въ замыслахъ его образовать здѣсь самостоятельное ханство, онъ напалъ на Астрахань

[4]) Въ имѣющейся у меня въ переводѣ рукописи китайскаго историка, время перехода калмыковъ показано ханство Аюки. Въ дѣлахъ прошедшаго столѣтія, встрѣчается нѣсколько писемъ хановъ и другихъ лицъ, которые переходъ указывали на это же время. Въ нынѣшнемъ уже столѣтіи, Батыръ-Убуши Тюмень, въ своемъ сказаніи о Дёрбенъ-Ойрадахъ (Астр. губ. вѣд. 1859 г. № 43) говоритъ: «*Торгоуты, пройдя мимо г. Астрахани, остановились кочевьемъ при р. Волгѣ,—отъ этого времени до настоящаго года Шорò Туулà*: (земля-заяцъ, соотвѣтствуетъ 1819 году) *прошло 116 лѣтъ*», слѣдовательно онъ указываетъ 1703 годъ — время Аюки.

ной записи 4-го февраля 1655 года, приняли подданство Россіи, но онъ самъ въ это время находился въ средѣ ойрадскаго союза, слѣдовательно, съ его стороны была только уловка, чтобы имѣть пристанище, на случай невозможности примкнуть къ союзу. Кромѣ этой шерти, калмыки положительно не имѣли никакихъ соотношеній ни къ правительству, ни къ русскому населенію. Напротивъ, когда Аюка увидалъ союзъ павшимъ и оставилъ завѣтную мысль дѣда, а окончательно утвердился на Волгѣ, то съ этого времени начались болѣе близкія отношенія его, съ правительствомъ по договорнымъ статьямъ и съ окружающимъ русскимъ населеніемъ чрезъ торговыя сношенія. Съ начала же XVIII столѣтія, сношенія его съ правительствомъ и съ окружающими городскими властями приняли уже оффиціальную форму и съ этого времени (1708 г.), начинаются дѣла въ архивѣ Калмыцкаго Управленія.

Вообще, какъ бы мнѣнія ни расходились, переходъ калмыковъ въ Россію слѣдуетъ считать съ 1630 года, т. е. хотя Хо-Орлюкъ и не принималъ подданства Россіи и не входилъ съ нею ни въ какія отношенія, а напротивъ, явился какъ врагъ; но онъ указалъ торгоутамъ и другимъ племенамъ путь въ новое отечество. Этого мнѣнія и наше правительство. Въ Именномъ указѣ данномъ Сенату 19 мая 1806 г., сказано, что калмыки первоначально пришли въ Россію въ 1630 году (*Полн. Сбор. Зак.* т. XXIX. № 22,135).

Пребываніе калмыковъ въ Россіи можно подраздѣлить на четыре періода:

1) Хо-Орлюкъ, занявъ степь отъ Урала до Волги, ни сколько не думалъ о подчиненности своей Россіи, напротивъ, покоривъ себѣ татаръ, кочевавшихъ по пути, думалъ навсегда утвердиться въ этой мѣстности и чтобы русскіе не мѣшали, напалъ на Астрахань; но былъ отбитъ и самъ убитъ.

2) Сынъ Хо Орлюка Шукуръ-Дайчинъ, по шертной записи 4 февраля 1655 года (полн. Собр. Зак. т. IV стр. 40.), первый принялъ подданство и затѣмъ до 1725 года, правительство русское относилось къ нему, Пунцуку и Аюкѣ хану, только по особымъ договорнымъ статьямъ, заключеннымъ: съ Пунцукомъ 9 декабря 1661 и съ Аюкою 27 февраля 1673, 24

января 1783, 17 іюля 1697, 30 сентября 1708 и 5 сентября 1710 годовъ [5]). Главный смыслъ статей заключается въ томъ, чтобы быть въ вѣчномъ подданствѣ, чтобы калмыки не нападали на русскія жилища и не разворяли; повинность ихъ государству заключалась только въ поискахъ противъ Государевыхъ недруговъ и въ выставкѣ по требованію правительства войскъ.

3) Съ 1725 по 1771 годъ, есть періодъ постепеннаго ограниченія власти хановъ. Въ этотъ періодъ, правительство взяло себѣ право назначенія хановъ.

4) Съ 1771 года, есть періодъ полнаго подчиненія калмыковъ распоряженіямъ правительства.

Эти четыре періода можно опредѣлить въ болѣе короткихъ словахъ: Самовольное и непріязненное вторженіе въ Россію. Принятіе подданства съ отношеніями, мало измѣнившимися. Постепенное ограниченіе власти хановъ. Полное подчиненіе пришельцевъ государственному строю съ привилегіями, допускаемыми правительствомъ.

Первый періодъ пребыванія калмыковъ въ Россіи, не требуетъ разъясненій, такъ какъ, кромѣ занятія пустынныхъ степей Россіи и нападенія на Астрахань, калмыки ничѣмъ не ознаменовали своего пребыванія и отношеній къ Россіи. Слѣдующіе два періода, съ 1655 по 1771 годъ, мы раздѣлимъ на пять ханствъ: Аюки, Церѣнъ Дондука, Дондокъ-Омбы, Дондокъ-Даши и Убуши, чтобы имѣть возможность, какъ провести исторію народа, такъ и опредѣлить значеніе хановъ и отношенія ихъ къ русскому правительству; четвертый же періодъ, съ 1771 года, опредѣлится рядомъ предпринятыхъ преобразованій.

---

[5]) Полн. Собр. Зак. т. I №№ 316, 540. т. II № 990. т. III № 1591. т. IV №№ 2207 и 2291. Изъ указа Госуд. Коллегіи Иностр. Дѣлъ 20 августа 1743 г. № 595. (Д. 1743 г. № 204) видно, что въ Коллегіи есть копіи съ шертовальныхъ записей, а подлинныя должно быть утрачены въ Приказѣ Казанскаго Дворца; но изъ этихъ, имѣвшихся въ Коллегіи копій, часть должно быть утрачена и не вошла въ Полное Собраніе Законовъ, — такъ, въ дѣлѣ 1730 г. № 46, есть указаніе на записи 1685 и 1692 годовъ, о которыхъ въ Полномъ Собраніи Законовъ ничего не говорится.

Аюка Ханъ.

Аюка ханъ (А-ю-хе ханъ, Аю-ка ханъ), (Аю—медвѣдь) сынъ Пунцука (Бунчука, Мончака), внукъ Шукуръ Дайчина, правнукъ Хо-Орлюка. Родился отъ брака съ дочерью зюнгарскаго Батуръ-Хунъ-Тайджія, на Цаганъ-Сару 1642 года (біогр. Зая-Пандиты), померъ 19 февраля 1724 (Д. арх. Кал. Упр. 1723 г. № 24. Полн. Собр. Зак. Россійск. Имп. т. VIII № 5699). Замѣчательная личность калмыцкой исторіи. Будучи привезенъ въ 1654 году, въ малолѣтствѣ, изъ Зюнгаріи, онъ въ 1672 году, вступилъ въ правленіе послѣ дѣда своего Шукуръ-Дайчина и съ этихъ поръ, до 1724 года, началась его дѣятельная жизнь.

Чтобы выяснить службу калмыковъ Россіи и указать значеніе Аюки, для его біографіи и исторіи народа, мы приведемъ военныя его дѣла.

При самомъ вступленіи своемъ въ управленіе народомъ, въ 1672 году, Аюка разбилъ и взялъ въ плѣнъ когда-то непобѣдимаго Аблая (который за годъ передъ тѣмъ (1671 г.) покорилъ дѣда Аюки, Шукуръ-Дайчина). Въ томъ же 1672 году, Аюка съ 10,000 корпусомъ, ходилъ подъ Азовъ и Крымъ, взялъ въ плѣнъ брата азовскаго паши, разбилъ крымцевъ подъ Перекопомъ, «*побилъ многія тысячи, всякую животину взялъ, улусы и села погромилъ*». (Полн. Собр. Зак. т. I №№ 535, 565).

Обратившись къ восточнымъ берегамъ Каспія, Аюка, покоривъ себѣ трухмянъ, кочевавшихъ около Мангишлака, и обязавъ ихъ платить себѣ дань, началъ непріязненныя дѣйствія противъ хивинцевъ и каракалпаковъ. Здѣсь особенно замѣчательно рѣшительное пораженіе имъ каракалпаковъ, причемъ ханъ Кучукъ былъ убитъ въ сраженіи (послѣ Кучука ханомъ вступилъ родственникъ его—Ишимъ), а сынъ Кучука, Муратъ, скрылся къ башкирамъ, откуда пробрался чрезъ Кубань и Крымъ въ Турцію, съ просьбою о принятіи его съ башкирами въ подданство. По отказу Турціи, онъ вернулся на Ку-

бань и началъ раззорять русскіе города; но въ 1708 году пойманъ. Д. 1708 г. № 1 [5]).

Въ 1709 году, когда покорные уже Россіи горцы, по эту сторону Кубани, подстрекаемые Крымомъ и Турціею, передались на ихъ сторону, то необходимость указала на Аюку и онъ со славою привелъ ихъ въ покорность Россіи—*Кумыцкіе Князья пришедъ сами поклонились ему*». (Д. 1709 г. № 3).

Когда противъ извѣстнаго бунтовщика Булавина, необходимость вызвала послать калмыцкія войска, то посланный Аюкою сынъ Чакдор-Джабъ, разбилъ его и, взявъ самого въ плѣнъ, передалъ князю Михаилѣ (должно быть Голицыну). Въ наказаніе бунтовщиковъ и за службу Аюки, ему предоставлено было, плѣнныхъ булавинцевъ (казаковъ, сообщниковъ Булавина), имѣть у себя за ясырей (Д. 1711 г. № 6).

Когда знаменитый Кубанскій наѣздникъ Джанъ-Арсламбекъ Мурза, пробрался за линію, ограждавшую пограничныя поселенія и разгромивъ, *много полонниковъ взялъ*, то Аюка, выдвинувъ свои войска, разбилъ этого Мурзу. Въ этомъ сраженіи убитъ Арсламбекъ, грозный своими набѣгами на русскія жилища (Д. 1712 г. № 7). Горцы, желая отомстить Аюкѣ хану за смерть Арсламбека и обезсилить его, чтобы имѣть свободный доступъ для набѣговъ, собрались въ значительномъ количествѣ. Аюка, встрѣтившись съ ними на р Манычѣ, успѣлъ оттѣснить ихъ, затѣмъ бой, въ 35 верстахъ выше устья Калауса, рѣшилъ дѣло въ его пользу [6]). Слѣдствіемъ этой битвы, былъ рѣшительный перевѣсъ на сторонѣ Аюки хана. Горцы до смерти его не нападали на калмыковъ. Въ 1717 году, когда нужно было чинить поискъ противъ кубанцевъ, то посланный отцомъ Чакдор-Джабъ, разбилъ ихъ и

---

[5]) Ссылка на дѣла во всей статьѣ, означаетъ—архива Калмыцкаго Управленія, въ г. Астрахани.

[6]) Въ память этой битвы, на могилахъ убитыхъ, насыпаны два кургана,—татарами на Манычѣ, а калмыками—на мѣстѣ битвы. Курганы эти названы татарами—*Тойбъ-гулъ*, а калмыками—*Баирынъ-толга*. Курганъ Баиринъ-толга, носитъ и теперь то же названіе, находится близъ селенія Сладкія Копани, Ставропольской губерніи; курганъ Тоибъ.гуль, находится на Манычѣ и близъ него урочище, носитъ это названіе, измѣненное калмыками въ Той-куль.

захватилъ 30,000 дымовъ татаръ, подъ названіемъ Этисанъ, Эмбулуковъ и Кахечинцевъ (Д. 1717 г. № 11).

Вообще, Аюка ханъ до старости, все время провелъ въ томъ, что громилъ магометанскіе народы, смотря съ кѣмъ представлялась возможность и гдѣ русское правительство видѣло необходимость употребить силу Аюки [7]). Изъ всѣхъ войнъ, веденныхъ Аюка ханомъ, важны двѣ: пораженіе хана Кучука и кубанцевъ въ 1713 году. Слѣдствіемъ этого, былъ положительный перевѣсъ его надъ магометанами — степей Азіи и Кавказа, находившимися по обѣ его стороны.

Слава Аюки хана затемняется раззореніемъ Казанской и Оренбургской губерній въ 1675—1676 и 1681 — 1682 годахъ, что было въ началѣ его поприща въ Россіи; но когда онъ созналъ свою несправедливость и не сталъ болѣе нападать на русскія жилища, а обратился къ восточнымъ берегамъ Каспія и къ Кавказу, то здѣсь оружіе его имѣло громадный успѣхъ. Заслуга его Россіи заключалась въ томъ, что онъ оберегалъ русскихъ отъ нападенія горцевъ и друг. народовъ. Занимая средину между горскими народами, Крымомъ и съ другой стороны киргизъ кайсаками, башкирцами и каракалпаками, онъ былъ грозою для тѣхъ и другихъ и послѣдніе никакъ не могли соединиться съ Крымомъ и Турціей, куда они нѣсколько разъ покушались и тѣмъ бы увеличили силу послѣднихъ, когда вниманіе Императора Петра I-го, главнѣйше было обращено на Южный берегъ и гдѣ болѣе всего происходили козни, безпокоившія Россію.

Слава объ Аюкѣ была такъ велика, что въ 1690 году, Далай Лама пожаловалъ ему титулъ хана и выслалъ на это званіе печать. Въ 1714 году прибыло посольство изъ Китая, просить дочь его въ замужество за императора [8]) и наконецъ, война съ Карломъ XII, побудила Петра I-го болѣе сблизить съ Россіею Аюку, почему, по повелѣнію Его, 30 сен-

---

[7]) Дѣла арх. Калм. Упр. 1708 г № 1 и 2, 1709 г. № 3, 1710 г. № 5, 1711 г. № 6, 1712 г. № 7, 1713 г. № 8, 1714 г. № 9, 1717 г. № 11, 1721 г. № 16, 1722 г. № 18, 1723 г. № 23.

[8]) Пріемъ китайцевъ Аюкою, интересно описанъ шведскимъ капитаномъ Шничеромъ, находившимся при посольствѣ. Астр. Губ. вѣд. 1843 г. № 39.

тября 1708 года, Казанскимъ и Астраханскимъ губернаторомъ Апраксинымъ заключенъ былъ съ Аюкою договоръ.

Указавъ въ этихъ немногихъ данныхъ значеніе Аюки, мы обратимся къ главному вопросу, разъяснить второй періодъ пребыванія калмыковъ въ Россіи, т. е. принятія подданства, но съ отношеніями, мало измѣнившимися.

Аюка 2 марта 1711 года увѣдомлялъ Астраханскаго коменданта Чирикова: «*У насъ съ Крымомъ былъ договоръ о мирѣ и какъ завоюемся о томъ промежъ собою скажемся* (объявить одинъ другому) *и когда русскіе съ Турціей начнутъ войну и онъ съ крымцами не будетъ въ миру, а теперь онъ хочетъ послать къ нимъ вѣдомость, что быть съ ними въ войнѣ*». (Д. 1711 г. № 6). 5 марта 1712 года, онъ же писалъ въ Астрахань, что ему слышно, *что Государь съ турецкимъ султаномъ помирился и какъ онъ съ крымцами и кубанцами находится не въ миру, то просилъ дать знать* (Д. 1712 г. № 7) — слѣдовательно, Аюка ханъ, помимо русскаго правительства, заключалъ договоры о мирѣ и войнѣ, по своему усмотрѣнію и могъ сдержать заключенный съ Крымомъ миръ и тѣмъ послужить во вредъ Россіи, каковой замыселъ и былъ отъ крымцевъ, когда они прислали къ Аюкѣ пословъ, *что хотятъ идти на русскихъ и чтобы онъ не посылалъ своихъ войскъ* (Д. 1722 г. № 18).

Мы знаемъ, что Аюка, живя въ Россіи, получилъ ханство отъ Далай-Ламы. Служба Аюки въ Россіи, была только въ командированіи войскъ и въ дѣланіи поисковъ, что все дѣлалось по договорнымъ статьямъ, заключеннымъ съ нимъ разновременно; но знаемъ также изъ донесенія князя Каспулата Черкасскаго (Пол. Соб. Зак. т. I № 613), что въ 1674 году, по требованію правительствомъ войска подъ Крымъ, Аюка не исполнилъ требованія. Обязанный договорами не нападать на русскія жилища, онъ два раза раззорялъ Казанскую и Оренбургскую губерніи. Русскіе, захватываемые въ набѣгахъ, содержались въ плѣну около нашихъ городовъ, перепродавались въ Крымъ, на Кавказъ, въ Мангишлакъ и другія мѣста и правительство (кромѣ договоровъ), не требовало уничтоженія этого варварства (Д. 1748 г. № 267). Когда отъ Чакдор-

Джаба бѣжали ясыри его Донскіе казаки (булавинцы), то онъ 17 октября 1708 г. просилъ возвратить ихъ, обѣщаясь равное число возвратить русскихъ плѣнныхъ (Д. 1708 г. № 1. 1709 г. № 3) — и этотъ обмѣнъ, онъ формально предлагалъ. Когда кубанскій Бахта Гирей Султанъ, въ 1717 году разорялъ Пензенскую губернію *«и многія тысячи побралъ въ полонъ»*, то на предложеніе о помощи, Аюка и Чакдор-Джабъ отказали, такъ какъ князь Черкасскій не далъ имъ помощи (Д. 1723 г. № 23)—и только уже послѣ (мы видѣли), Аюка послалъ Чакдор-Джаба противъ кубанцевъ и тотъ разбилъ ихъ и отнялъ у нихъ въ замѣнъ 30,000 дымовъ татаръ. Аюка 20-го марта 1710 года писалъ въ Астрахань, что кубанцы убили русскихъ людей, а русскіе убили его эдисанца и требовалъ уплаты за него. Чакдор-Джабъ 13 сентября 1714 года писалъ: «наши эдисанцы и енбулуки живутъ у васъ, а «ваши юртовскіе у насъ, вы отдайте нашихъ, а мы отда«димъ вашихъ» (Д. 1714 года № 9).

Съ горцами, враждебными Россіи, Аюка постоянно сносился, что хорошо знало наше правительство (Д. 1708 г. № 2). Въ 1714 году Аюка ханъ отправлялъ отъ себя посольство къ хивинскому Ядыгеръ хану (Д. 1714 г. № 9). Въ Персію онъ два раза отправлялъ посольства, въ 1710 и 1717 годахъ (Д. №№ 5 и 11). Въ 1710 году къ Аюкѣ пріѣзжало посольство отъ шаха Харабекъ (Д. 1710 г. № 5). Въ Дербентъ и Китай, Аюка отправлялъ посольства въ 1713 году (Д. 1713 г. № 8). Съ Крымомъ онъ имѣлъ постоянныя сношенія, когда былъ въ миру. Сношенія Аюки съ Турціею, замѣчательны даже оригинальностью и отличаются особенною короткостью сношеній. Джа́лла, старшая жена Чакдор-Джаба, отправляясь въ Тибетъ, послала хивинца Сафара въ Царьградъ *«увѣдомить объ этомъ и что можетъ быть чего нужно будетъ купить»* (Д. 1713 г. № 8). Близость отношеній къ Турціи, можно видѣть изъ того, что и по смерти Аюки, турецкій Султанъ, въ 1731 году прислалъ къ сыну его Церенъ-Дондуку *«посла своего Мамбета въ десяти персонахъ и просилъ жить въ миру»* (Д. 1731 г. № 48).

Изъ приведеннаго обзора видно, что Аюка былъ почти

самостоятельный ханъ. Но соображая общій ходъ дѣлъ, видно также, что это было не болѣе, какъ послабленіе Императора Петра I-го, который изъ уваженія къ заслугамъ Аюки, не хотѣлъ при жизни его ограничивать власть, тѣмъ болѣе, что отъ дѣйствій Аюки, Россія ничего не теряла, — но что великій преобразователь понималъ это, мы увидимъ впослѣдствіи.

Общій взглядъ показываетъ также, что въ началѣ перехода калмыковъ въ Россію, они хотя нападали на города, разворяли, брали въ плѣнъ людей; но ихъ нельзя считать закоренѣлыми врагами русскаго населенія, какъ магометанскіе народы. Они скоро освоились на новой почвѣ и скорѣе примкнули къ русскимъ, чѣмъ къ послѣднимъ. Аюка оказалъ услугу Россіи, удерживая набѣги магометанскихъ народовъ за-Уральской степи и покоряя Кавказскихъ горцевъ, подчинялъ ихъ своей власти и тѣмъ приводилъ въ послушаніе и покорность Россіи. Хотя отношенія Аюки къ Россіи, были только по договорнымъ статьямъ, хотя онъ самостоятельно управлялъ народомъ, чинилъ судъ и расправу, воевалъ и сносился съ иностранными государствами и народами; но въ основѣ всѣхъ его дѣйствій, не было интригъ противъ Россіи.

Это цѣнило русское правительство и довѣріе видно изъ того, что ни одна почти война не обходилась, чтобы калмыки не участвовали; — въ охраненіи же пограничныхъ мѣстъ отъ набѣговъ, Петръ Великій совершенно полагался на Аюку. За службу Россіи, Аюка получалъ жалованье, состоявшее изъ денегъ, муки, пороха, свинца, желѣза, стали, сѣры, селитры, вина и друг. (Вообще по отданному приказанію, Аюкѣ ни въ чемъ не отказывали). Деньги отпускались изъ приказныхъ окладныхъ доходовъ, а порохъ и свинецъ изъ артиллерійскаго двора (Д. 1709 г. № 3). За походъ противъ горцевъ, по указу Петра I 20 августа 1710 года, прибавлено жалованья, по тысячѣ рублей и 30 пудовъ пороху на годъ (Д. 1714 г. № 9), а въ 1719 году, еще прибавлено муки 2,000 четвертей (Полн. Соб. Зак. т. V № 3314). По повелѣнію 27 іюля 1713 года (Пол. Соб. Зак. т. V № 2702) назначено жалованье и другимъ Тайшамъ, владѣльцамъ и простымъ калмы-

камъ, состоявшимъ на службѣ *«чтобы въ томъ имъ какого озлобленія не учинить»*.

По окончаніи турецкихъ дѣлъ, когда возгорѣлась война съ Персіею, Аюка ханъ въ 1722 году, отправилъ 40,000 конницы противъ лизгинъ; но какъ въ это же время поднялись *«Крымцы съ кубанскимъ ханомъ Бахта-Гиреемъ, съ Игнашкою Некрасовымъ и съ Запорожскими хохлачи,»* то Аюкѣ поручено было охранять русскія населенія въ Крымской степи (Д. 1722 г. № 18). Въ слѣдующемъ 1723 году, когда интрига крымцевъ и турокъ вынудила Петра 1-го двинуть войска на Украйну для обезопасенія предѣловъ, то Аюкѣ было повелѣно *«дѣйствовать, а гдѣ и какъ, описать именно* (Пол. Соб. Зак. т. VII № 4191).

Это были послѣднія заслуги Россіи Аюки хана.—Онъ померъ въ 1724 году, 84 лѣтъ, со славою управляя народомъ 52 года. До 1710 года, Аюка самъ покорялъ народы; но состарѣвшись, изрѣдка принималъ участіе въ главныхъ движеніяхъ; военныя же дѣла передалъ старшему своему сыну Чакдор-Джабу, который съ такою же славою продолжалъ ихъ до своей кончины. [9]). Аюка ханъ, вручивъ управленіе Чакдор Джабу, при жизни своей передалъ ему ханскую печать; но рокъ судилъ иначе,—Чакдор-Джабъ померъ двумя годами ранѣе отца, передавъ при смерти ханскую печать своему старшему *сыну Дасангу*.

Нѣкоторые обвиняютъ Аюку въ несчастной экспедиціи князя Бековича Черкасскаго въ Хиву, гдѣ онъ погибъ въ 1717 году со всѣмъ своимъ отрядомъ. Для разъясненія этого,

---

[9]) Изъ письма Дасанга 4 марта 1722 года видно, что Чакдор-Джабъ померъ и они чрезъ 10,000 манжиковъ поминки отправляютъ (Д. 1722 г. № 18). Мнѣнія различны о числѣ дѣтей Аюки хана, нѣкоторые считаютъ у него 8 сыновей, другіе болѣе или менѣе; но у него было 10 сыновей (считая конечно уже взрослыхъ, которые выступали на поприще) Чакдоръ-Джабъ, Арапта́нъ, Шабда́ръ, Санъ Джабъ, Гунъ-Джабъ, Церѐнъ-Шунунъ-Лоуза́нгъ, Гунделенгъ, Церенъ-Дондокъ, Галданъ-Данжинъ и Баарынгъ (Д. 1723 г. № 23, 1730 г. № 46, 1784 г. № 2) У Чакдор-Джаба было 12 сыновей; Дасà нгъ, Бату, Баксадàй-Дорджи, Дондòкъ-Даши, Данжинъ-Дорджи, Нитàръ-Дорджи, Гунцукъ-Джабъ Бодонгъ, Добчинъ, Дорджи-Раши, Яндыкъ и Бусурманъ-Тайджи. (Д. 1723 г. № 23).

мы приведемъ нѣсколько свидѣтельствъ. Какъ Императоръ Петръ I неоднократно предназначалъ экспедиціи въ Хиву, для открытія устья р. Аму-Дарьи, то Аюка ханъ еще 2 марта 1708 года писалъ Астраханскому коменданту Чирикову (Д. 1708 г. № 1.) «*ваше войско собирается въ Хиву, а бухарцы, кайсаки, каракалпаки и хивинцы собираются противъ русскаго войска и какъ въ тѣхъ странахъ нѣтъ воды и селъ, то онъ боится, какъ бы служилымъ людямъ не случилось какой худобы и чтобы послѣ на него не гнѣвался Государь,*» почему просилъ послать посланца, а онъ отъ себя пошлетъ. Слѣдовательно, Аюка еще прежде предупреждалъ въ сборѣ магометанъ противъ командируемаго войска и въ трудности пути.

Чтобы обезпечить это предпріятіе, необходимость потребовала завести предварительно укрѣпленіе на Мангишлакѣ, перевезти провіантъ и припасы, вообще, стать твердою ногою на восточномъ берегу Каспія—и наконецъ, только въ 1716 году отправилась назначенная экспедиція подъ предводительствомъ князя Бековича. Когда Ширъ-газы, хану хивинскому, неудалось оружіемъ оттѣснить отрядъ Бековича, то явившіеся отъ него парламентеры объявили, «*что русскихъ приняли непріязненно только потому, что не знали причины прибытія столь многочисленнаго войска; но какъ предъ тѣмъ только получено отъ калмыцкаго хана Аюки извѣстіе, что это дружеское посольство, то ханъ Ширъ-газы немедленно приказалъ прекратить непріязненныя дѣйствія*» (Астр. Губ. вѣд. 1840 г. № 6). Здѣсь упоминается Аюка; но это было не болѣе какъ уловка, предложенная казначеемъ Ширъ-газы, Дазимъ-Баемъ — и несчастный князь Бековичъ вдался въ ошибку,—погубилъ себя и весь свой отрядъ.

Туркментскій Шидаметъ Султанъ, въ маѣ 1717 года присылавшій Аюкѣ карачу (подать), 17 сентября того же года писалъ Астраханскому оберъ-коменданту Чирикову (Д. 1719 г.): «*Аюка ханъ съ Вами другъ и мы въ мирѣ съ нимъ и готовы дѣлать ему добро во всякомъ дѣлѣ. Мы живемъ въ Мангишлакѣ съ нимъ сосѣди; чрезъ него сдѣлались врагами Хивы и чрезъ него надѣемся на милость Вашу.*» Слѣдова-

тельно, Аюка былъ въ враждѣ съ хивинцами и примкнулъ къ себѣ подвластныхъ трухмянъ — и это было въ годъ гибели отряда Бековича. Возвратившіеся въ Россію изъ отряда Бековича, нисколько не указываютъ на коварство Аюки.—Такъ, Астраханскій подъячій Волковоиновъ, вывезенный въ 1720 году изъ плѣна отъ агрыжанцевъ, разсказывая, какъ случилась гибель отряда, нисколько не указываетъ на Аюку. Тоже самое, ничего не указали и вывезенные владѣльцемъ Батыръ-Тайшою изъ грузинскаго похода, четыре плѣнныхъ изъ того же отряда. Въ гибели отряда, Петръ I, можно предполагать, скорѣе подозрѣвалъ Персію, уплатившую хивинскому хану 20 т. за гибель Бековича (Вѣст. Евр. 1868 г. мартъ л. 168).

Церѐнъ-Дондо̀къ ханъ.

Ханъ Церенъ-Дондокъ (Церенъ-Дон-ропъ) сынъ Аюки хана отъ Дармы-Балы.

Во время пребыванія Императора Петра I въ Астрахани, Онъ, узнавши подробнѣе Аюку, съ которымъ видѣлся близъ Царицына, на случай его смерти, назначилъ ему преемникомъ родственника его Дорджу Назарова; но Аюка, недовольный какъ этимъ назначеніемъ, такъ равно и переданнымъ Чакдор-Джабомъ правомъ на ханство Дасангу, думалъ ханство передать своему другому сыну Церенъ-Дондоку.

Когда померъ Аюка ханъ, то исполнилось предначертаніе Петра Великаго къ ограниченію. Правительство взяло себѣ право назначенія хановъ. Въ инструкціи, данной по этому случаю Астраханскому губернатору, 3 мая 1724 года, сказано: «*стараться, чтобы владѣльцы не выбирали сами изъ себя хана, а просили бы объ этомъ Его Императорское Величество*» и предположеніе было избрать въ ханы Дорджу-Назарова (Д. 1723 г. № 23).

Этимъ предложеніемъ правительство старалось, чтобы владѣльцы сами обратились съ просьбою и съ другой стороны, надѣялось, что всѣ владѣльцы исполнятъ предназначеніе Им-

ператора и пожелаютъ утвержденія ханомъ Назарова; но оказалось, что на ханство явилось четыре претендента, болѣе сильнѣйшіе—это внуки Аюки: Дондукъ-Омбо, Дасангъ, Дондукъ-Даши и Баксадай-Дорджи (1731 г. № 5). Всѣ они имѣли сильныя партіи; но изъ нихъ, особенно, выдавался Дондукъ-Омбо, — а въ отношеніи его, правительство никакъ уже не допускало мысли, предоставить ему ханство, такъ какъ направленіе его не могло принести пользы Россіи (онъ постоянно сносился съ горцами и женился на кабардинкѣ Джанъ, сестрѣ князей кошкатовской партіи). Когда Назаровъ, знавшій хорошо значеніе партій, въ сентябрѣ мѣсяцѣ отказался отъ ханства, то правительство, чтобы успокоить волненіе и не допустить вдову Аюки хана Дарму-Балу, выдти за мужъ за внука ея Дондукъ-Омбо, что могло разстроить всѣ планы (Д. 1723 г. № 23), исполнило предназначеніе Аюки и объявило намѣстникомъ ханства сына его Церенъ-Дондука. 19 сентября 1724 года Церенъ-Дондукъ далъ въ Саратовѣ присягу на намѣстничество, которая заключалась: *въ вѣрности Государю, чтобы не содержать у себя татаръ, не имѣть сношеній съ иностранными народами* (то же дѣло).

Это дѣйствительно разстроило выходъ Дармы-Балы въ замужество за Дондукъ-Омбу, такъ какъ, Церенъ-Дондукъ былъ родной ея сынъ; но разстроенный въ планахъ, Дондукъ-Омбо вооружился противъ своего дяди и слѣдствіемъ его интригъ было то, что и безъ того слабый намѣстникъ, не имѣлъ почти значенія въ народѣ. Правительство, чтобы прекратить распри, продолжавшіяся нѣсколько лѣтъ, и придать Церенъ-Дондуку болѣе силы, въ 1731 году утвердило его ханомъ и ему были высланы знаки ханства: собольи шуба и шапка, сабля съ драгоцѣнными камнями, панцырь, шишакъ и наручники (указъ императрицы Анны Іоанновны 1 мая 1731 г. Д. 1731 г. № 48. Пол. Соб. Зак. т. VIII № 5699) [10]).

[10]) Коллегія Иностр. Дѣлъ, еще 19 февраля, увѣдомляла находившагося при калмыцкихъ дѣлахъ Беклемишева, что Императрица намѣрена признать Церенъ-Дондука ханомъ (Д. 1731 г. № 49). Утвержденіе Церенъ-Дондука ханомъ, было, нужно думать, и въ виду прибытія китайскаго посольства въ Россію и къ Церенъ-Дондуку. Беклемишевъ выводилъ въ расходъ разныя

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
577050
ПОГАШЕНО

Церенъ-Дондукъ, не принеся никакой пользы, едва не поставилъ Россію въ войну съ Турціею, когда положеніе обоихъ государствъ было крайне натянуто.

Бѣжавшій съ Кубани султанъ Бахта-Гирей, искалъ защиты и покровительства Церенъ-Дондука. Посланный для преслѣдованія его султанъ Селимъ-Гирей объявилъ чрезъ посланныхъ, что если владѣльцы примутъ бѣглеца, то имъ будетъ объявлена война (Д. 1726 г. № 29). Подстрекаемый Бахта-Гиреемъ, Церенъ-Дондукъ, взявъ съ собою 20300 чел. войска, двинулся на Кубань (чтобы возстановить власть Бахта-Гирея надъ кубанцами Д. 1728 г. № 3); но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ Петербургѣ было получено извѣстіе, что турецкій султанъ приказалъ крымцамъ, азовцамъ и кубанцамъ идти войною на калмыковъ—и какъ вторженіе ихъ, должно было быть въ владѣнія Россіи, что, неминуемо, породило бы столкновеніе, то изъ Москвы былъ посланъ съ инструкціею полковникъ Бахметьевъ, чтобы отговорить Церенъ-Дондука отъ похода. Церенъ-Дондукъ находился уже въ горахъ и Бахметьеву, чрезъ большія усилія, удалось отозвать его назадъ. Этотъ поступокъ намѣстника, вызвалъ указъ 24 января 1728 года, которымъ воспрещено русскимъ, подъ страхомъ смертной казни, продавать и ссужать калмыковъ порохомъ, — Церенъ-Дондуку велѣно производить только денежное и хлѣбное жалованье (то же дѣло).

Вообще, ханство Церенъ-Дондука, замѣчательно слабымъ его управленіемъ и распрей владѣльцевъ

Дондокъ-Омбо, ханъ.

Дондокъ-Омбо, сынъ Гун-Джаба, внукъ Аюки хана,—одинъ изъ замѣчательныхъ калмыцкихъ хановъ. Прослѣживая дѣла

покупки: вино, сахаръ, атласъ и проч. и даритъ ихъ разнымъ лицамъ. Посольство отъ Богдо-хана прибыло къ Церенъ-Дондуку (указъ Беклемишеву 4-го марта 1731 г. о принятіи и препровожденіи посольства) подъ видомъ поздравленія; но въ самомъ дѣлѣ, для склоненія его къ перекочевкѣ изъ Россіи на прежнія мѣста (Д. 1731 г. № 50).

прошедшаго столѣтія, Дондокъ-Омбо вездѣ выставляется на первомъ планѣ. Одаренный умомъ (А. П. Волынскій 13 апрѣля 1723 года доносилъ сенату, что *«Дондокъ-Омбо довольнаго ума.»* Д. 1723 г. № 23), имѣвшій большія воинскія способности, онъ съ молодыхъ годовъ является главнымъ предводителемъ партій, въ чемъ помогалъ ему раздоръ между дѣтьми Чакдор-Джаба. Правительство признавало силу Дондукъ-Омбы въ народѣ и поэтому, вело съ нимъ дѣла съ осторожностью. Въ Астрахань, 17 августа 1734 года, была выслана *цифырная азбука* (шифровка), по которой велѣно было вести переписку о Дондукъ Омбѣ, чтобы онъ не могъ узнавать секретовъ. Со смертію Дондукъ-Омбы, прекратились и эти замысловатыя азбуки. [11]).

При утвержденіи ханомъ Церенъ-Дондука, правительство предвидѣло, что многіе владѣльцы останутся недовольны; но разсчетъ былъ главнѣйше о Дондукъ-Омбѣ. Церенъ-Дондукъ просилъ дать ему войска (Д. 1731 г. № 53), такъ какъ, объявленіе его ханомъ, состоялось только при его подвластныхъ, матери Дармы-Балы и Шакуръ-Ламы, почему канцлеръ, графъ Головкинъ, послалъ грамоты всѣмъ владѣльцамъ и въ томъ числѣ Дондукъ-Омбѣ и писалъ признавать Церенъ-Дондука ханомъ.

Когда Аюка ханъ опасался усиленія внука своего Дасанга, то, устарѣлый ханъ, поручилъ дѣло противъ него, не сыновьямъ своимъ Церенъ-Дондуку и Галданъ-Данджину, а Дондукъ-Омбѣ. Разбивши Дасанга, Дондукъ-Омбо обезсилилъ одного претендента на ханство, но честолюбіе его умѣрялось еще жизнію дѣда; когда же послѣдній померъ, назначивъ преемникомъ ханства сына своего Церенъ-Дондука, то Дондукъ-Омбо началъ интриговать противъ дяди. Чтобы достигнуть цѣли, онъ хотѣлъ жениться на бабкѣ ханшѣ Дармѣ-Балѣ, которая имѣла вѣсъ въ народѣ; но мы видѣли, что правительство предупредило замыселъ и объявило Церенъ-Дондука намѣстникомъ, соб-

---

[11]) Цифырныя азбуки высылались разныя, смотря по тому, какъ узнавалось ихъ значеніе. Первая была выслана въ 1728 г., во время междоусобія, затѣмъ высылались новыя въ 1732 г., 17 августа 1734, 20 марта 1736 г. (Д. 1729 г. № 39, 1732 г. № 63, 1734 г. № 87 и 1739 г. № 123); всѣхъ азбукъ было до десяти.

ственно, чтобы не допустить къ управленію Дондукъ-Омбу. Надѣясь, что правительство увидитъ его неспособнымъ, Дондукъ-Омбо, года на три, сошелъ со сцены; когда же Церенъ-Дондукъ былъ объявленъ ханомъ, то Дондукъ-Омбо открыто уже возсталъ противъ дяди и въ ноябрѣ мѣсяцѣ, разбилъ на голову 15-ти тысячный отрядъ его въ урочищѣ Сасколяхъ (гдѣ теперь селеніе этого имени). Правительство вынуждено было вступиться, такъ какъ, Церенъ-Дондукъ былъ первый ханъ, утвержденный Россіею, почему и былъ командированъ изъ Петербурга генералъ-лейтенантъ князъ Иванъ Барятинскій *съ полною мочью* (Д. 1731 г. № 48).

Дондукъ-Омбо, не желая вѣроятно сталкиваться съ русскими войсками, уступая преслѣдованіямъ Барятинскаго, удалился на Кубань; но тутъ открылась сила его въ народѣ: на сторону его передались сильнѣйшіе изъ владѣльцевъ: торгоутовскій Лубжа (сынъ Дорджи Назарова) и дербетевскій Четѣръ съ сыномъ Гюнге-Дорджи. Когда Лубжа, перебравшись чрезъ Волгу, вновь разбилъ хана, то послѣдній, сознаваясь въ своемъ безсиліи противъ племянника, просилъ положить окончательную мѣру—выдвинуть русскія войска; но правительство предупредило его просьбу. Въ концѣ 1734 года, къ Дондукъ-Омбѣ была отправлена съ Донскимъ войсковымъ старшиною (атаманомъ) Ефремовымъ грамота, призывавшая его возвратиться, отдать улусы хану и быть у него въ повиновеніи. Въ этомъ была цѣль, что если Дондукъ-Омбо не согласится, то послать русскія войска съ Дона, а противъ Лубжи выдвинуть войска съ Яика, чтобы не дать ему уйти за Эмбу. На призывъ, Дондукъ-Омбо положительно отвѣчалъ, что возвратится къ Волгѣ не иначе, какъ принявъ главное начальство надъ народомъ.

Правительство увидало свою ошибку въ выборѣ хана, такъ какъ, не было никакого разсчета тратить войска,—походъ ихъ не могъ принести никакой пользы, потому, что Дондукъ-Омбо могъ удалиться въ горы и окончательно передаться на сторону Турціи. Если вести противъ него войну за Кубанью, то нужно было вооружить Турцію, если же не предпринимать ничего, то онъ раззоритъ оставшихся владѣльцевъ, которые, изъ

боязни, вынуждены будутъ обращаться къ нему и тогда, въ соединеніи съ горцами, онъ можетъ сдѣлаться опаснымъ для прилегающихъ русскихъ мѣстъ, что, Дондукъ-Омбо уже и началъ доказывать раззореніемъ пограничныхъ мѣстъ. Какъ ханъ Церенъ-Дондокъ, занимавшійся пьянствомъ, непризнаваемый владѣльцами, не имѣлъ вѣса въ народѣ, слѣдствіемъ чего было, что калмыки, роззоренные Дондукъ-Омбою и Лубжею, пустились на воровство и разбои [12]), правительство рѣшилось уступить обстоятельствамъ. Астраханскому губернатору Измайлову и полковнику Беклемишеву, было предписано какъ-нибудь уговорить хана отправиться въ Петербургъ, подъ видомъ просьбы о своей защитѣ, гдѣ онъ и долженъ быть задержанъ, а если не согласится, то какъ нибудь зазвать его въ городъ и отправить; а между тѣмъ грамотою 17-го марта 1735 г. (Д. 1735 г. № 89), Дондукъ-Омбо назначенъ главнымъ управителемъ калмыцкаго народа. Грамотою Измайлову 20 того же марта (Д. 1734 г. № 87), подтверждено о назначеніи Дондукъ-Омбы, причемъ предписывалось, хана отправить въ Петербургъ, если Дондукъ-Омбо не согласится оставить.

Дондукъ-Омбо достигъ своей цѣли. Возвратившись съ Кубани, онъ, 14 ноября 1735 года, далъ присягу (на Эргеняхъ, между Аксаемъ и Сарпою) и былъ формально объявленъ главнымъ управителемъ народа.

Въ его хитрой политикѣ, первымъ долгомъ было, конечно, показать свою преданность Россіи и поэтому, въ слѣдующемъ году, въ начавшуюся войну съ Турціею, 21 апрѣля, онъ разбилъ между Кубанью и Урюпомъ 5-ти тысячный отрядъ горцевъ, называвшихся Наврюсъ-Улу и захватилъ въ плѣнъ до 20,000, которые приняли подданство Россіи, обязавшись *платить дань Дондукъ-Омбѣ, какъ платили дѣду его Аюкѣ-хану*. За это, рескриптомъ Императрицы 23 мая, Дондукъ-Омбѣ пожалована сабля и шуба соболья, а женѣ его парчи золотой 35 аршинъ; прочимъ же владѣльцамъ и войску денежное награжденіе

[12]) Пол. Соб. Зак. т. IX, № 6705. «*Церенъ-Дондукъ учинилъ себя слабо, къ тому же и спился и затѣмъ порученнаго ему калмыцкаго народа въ добромъ согласіи и должной вѣрности содержать не могъ, а за малыя несогласія съ владѣльцами вступилъ въ бой и всѣ улусы свои потерялъ*».

(Д. 1734 г. № 87). Какъ въ это время Россія, была въ непріязненныхъ отношеніяхъ съ своими южными сосѣдями, то велѣно Дондукъ-Омбѣ, Кубань раззорить и вовсе истребить. Грамотою 24 іюня, ему повторено объ искорененіи Кубани и когда онъ разбилъ хара-кипчаковъ и абазинцевъ, вывелъ ихъ съ горъ и поселилъ по эту сторону Терека, на кизлярской сторонѣ, то грамотою 1 іюля 1738 г. ему вновь пожалована сабля. Грамотою 11 августа 1736 года, за службу Дондукъ-Омбы, кромѣ получаемаго жалованья, прибавлено еще по 2,500 руб. и муки по 1,000 четвертей [13]), причемъ велѣно ему отправить 30,000 войска въ Крымъ. Наконецъ, грамотою 3 марта 1737 г., Дондукъ-Омбо назначенъ ханомъ (Полн. Собр. Зак. т. X № 7191, Д. 1734 г. № 87).

Дондукъ-Омбо въ одномъ оправдалъ себя, что ввелъ порядокъ въ народѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, правленіе его легло тяжелымъ камнемъ надъ остальными владѣльцами. Когда шли еще переговоры о возвращеніи его на Волгу, Дондукъ-Омбо постановилъ условіе: имѣть полную власть въ распоряженіяхъ, почему, ему предоставлено было *«взять себѣ улусы хана Черенъ-Дондука и остальныхъ владѣльцевъ, имъ захваченные, если онъ не желаетъ ихъ отдать, что продоставлялось его благоразумію»*. На основаніи этого распоряженія, правительство ничего не могло уже сдѣлать въ пользу угнетенныхъ владѣльцевъ, преданныхъ Россіи, и послѣдніе вынуждены были раболѣпствовать предъ Дондукъ-Омбо. Правительство, впрочемъ, сознавало свою ошибку. При начатіи турецкой войны, въ грамотѣ Донскому старшинѣ (атаману) Ефремову, 11 ноября (Д. 1742 г. № 175) пунктъ I сказано *«по требованію Дондукъ-Омбы съ нѣкоторымъ къ сторонѣ Нашей предосужденіемъ поручено было ему главное надо всѣмъ калмыцкимъ народомъ управленіе и по его собственной волѣ улусовъ ему забраніе и владѣльцамъ раздѣленіе»*.

Дондукъ-Омбо торжествовалъ. Только остался одинъ вла-

---

[13]) Полн. Собр. Зак. т. IX №№ 7027, 7103. Жалованье Дондукъ-Омбѣ составляло въ годъ 5,000 руб. и 2,000 четвертей хлѣба; хлѣбъ тогда покупали по 90 коп. ассигн. четверть.

дѣлецъ имъ нетронутый, на котораго съ надеждою смотрѣли угнетенные и котораго отчасти боялся Дондукъ-Омбо — это, двоюродный его братъ Дондокъ-Даши. Во время еще переговоровъ съ Кубани, Дондукъ-Омбо постановилъ главное условіе, чтобы *«искоренить Дондокъ-Дашу»*, но правительство смотрѣло иначе, потому, что это былъ одинъ изъ преданныхъ Россіи владѣльцевъ. Вступивъ уже въ управленіе, Дондукъ-Омбо при всякомъ удобномъ случаѣ просилъ императрицу искоренить или засадить Дондокъ-Дашу и писалъ *«что если онъ такъ останется, то онъ (ханъ) никогда не будетъ спокоенъ мыслію»*.

Правительство принимало многія мѣры къ примиренію ихъ и съ этою именно цѣлью, былъ командированъ изъ Петербурга полковникъ Бабарыкинъ, съ подробною инструкціею для дѣйствій; но ханъ не соглашался ни на что, и просилъ хотя объ отдаленіи Дондокъ-Даши. Въ видахъ, чтобы не произошло чрезъ этихъ двухъ личностей чего нибудь гибельнаго для народа, грамотою 22 февраля 1737 года (Д. 1734 г. № 87), Дондокъ-Дашѣ велѣно было отправиться во вновь построенную крѣпость на р. Орь; но онъ положительно отказался, *что не отойдетъ отъ Волги, гдѣ родился.* Правительство предложило ему кочевать по Волгѣ, но только отойти къ Самарѣ, или, наконецъ, на время уѣхать въ Тибетъ, къ Далай-Ламѣ и 24 августа предписало губернатору, что если Дондокъ-Даши не приметъ ни одного предложенія, то употребить уже крайнюю мѣру—*«какъ нибудь поймать его и содержать въ городѣ въ довольствѣ»*, но онъ углубился въ степь. Усиленными мѣрами, удалось уговорить его отправиться въ Петербургъ и тамъ уже ему было назначено жить въ Закамской линіи, вмѣстѣ съ княгинею Анною Тайшиною, причемъ велѣно производить ему жалованье и провіантъ (Полн. Собр. Зак. т. X №№ 7733 и 7774). Правительство, отдаливъ Дондокъ-Дашу, однако не переставало хлопотать о примиреніи Дондукъ-Омбы съ нимъ и указомъ 27 сентября 1739 года № 616 (Д. 1739 г. № 123) полковнику Бабарыкину, велѣно было всячески стараться объ этомъ; но ханъ, опасавшійся своего противника, не соглашался ни на какой миръ (Ук. Госуд. Коллег. Ин. Дѣлъ 12 октября 1739 г. 669).

Дондукъ-Омбо обязанъ только своей силѣ, что не подвергся участи своего предшественника; но вмѣстѣ съ тѣмъ, случай въ его собственномъ семействѣ, выказалъ все его коварство. Лубжа, прежде другъ его и помощникъ, будучи недоволенъ ханомъ, что тотъ захватилъ себѣ всѣхъ подвластныхъ у владѣльцевъ противной партіи и обижалъ безсильныхъ, началъ высказываться противъ него. Это ободрило многихъ. Къ этому началось несогласіе въ семействѣ хана, гдѣ начало положилъ сынъ его Галданъ-Нормо, изъ за своей матери [14]). Когда Дондукъ-Омбо получилъ приказаніе отправить войска подъ киргизъ, то онъ назначилъ ихъ подъ предводительствомъ Галданъ-Нормы. Послѣдній, составивъ партію изъ значительныхъ лицъ отца и выбравъ самую лучшую часть войска, отправился къ Яику и поддержанный Лубжею, вмѣсто войны, сталъ вести переговоры съ киргизами и обратилъ войска противъ отца. Въ это только время, гордый ханъ увидалъ себя въ критическомъ положеніи и въ первый разъ сознался предъ правительствомъ въ своемъ безсиліи, прося для охраненія русскихъ войскъ, а между тѣмъ сталъ заискивать союза съ Лабанъ-Дундукомъ (дербетевскимъ). Послѣдній, можетъ быть и не изъ сочувствія къ несчастному хану, но на требованіе правительства, далъ положительное слово, что не допуститъ междоусобія, — и случай помогъ сбыться его словамъ — Лубжа померъ. Галданъ-Нормо былъ уговоренъ Лабанъ-Дондукомъ явиться съ покорностью къ отцу и тотъ отдалъ его въ руки правительства, чтобы сослать куда-нибудь (онъ былъ отосланъ въ Казань); союзники же Галданъ-Нормы: Лабангъ дочь хана, Лекбей — зять (женатъ былъ на старшей дочери), Бату—двоюродный братъ съ сыномъ Тангутомъ, Кичикъ-Дондуковъ, Зайсангъ-Зундуй и другія знатныя лица, умерщвлены жестокимъ ханомъ. (Д. 1741 г. № 152).

Со смертію Лубжи и съ отдаленіемъ Дондокъ-Даши, Дондукъ-Омбо не имѣлъ у себя болѣе противниковъ. Дондукъ-

[14]) У Дондукъ-Омбы были двѣ жены — калмычка Божака и черкешенка Джанъ. Отъ первой былъ одинъ сынъ Галданъ-Нормо, а отъ второй — Рандулъ, Додьби, Асарай (Джю-Басаръ). Джанъ была любимая жена и вполнѣ стоила своего пуда.

Омбо померъ 21 марта 1741 года [15]), назначивъ преемникомъ ханства, сына своего (отъ кабардинки Джанъ) Рандула; но обстоятельства опять сложились въ противность и ханская власть не могла утвердиться въ одномъ колѣнѣ.

Джанъ, неимѣвшая вѣса въ народѣ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не желавшая упустить власть отъ малолѣтнихъ своихъ дѣтей, стала продолжать дѣйствія мужа къ уничтоженію претендентовъ на ханство и довела до того, что грамотою 13 августа 1741 г., изъ Петербурга былъ назначенъ тайный совѣтникъ В. Н. Татищевъ *«для успокоенія калмыцкаго народа, возбужденнаго ханшею Джанъ»*. Изъ докладовъ министровъ видно, что *«21 марта ханъ Дондукъ-Омбо померъ, поруча по себѣ правленіе десятилѣтнему своему сыну Рандулу и женѣ Джанъ; предъ смертію, листомъ своимъ въ Петербургъ доносилъ, что онъ о пожалованіи въ ханы изъ дѣтей своихъ, просилъ Далай-Ламу»*.

Къ находившемуся при ханшѣ Джанъ полковнику Бабарыкину, былъ посланъ указъ, чтобы онъ уговорилъ владѣльцевъ отправить нарочнаго въ Петербургъ съ прошеніемъ о назначеніи имъ хана, кого *россійскій дворъ соизволяетъ*; но изъ владѣльцевъ никто на это не согласился, боясь мщенія Джаны, которая, не ожидая на просьбы свои разрѣшенія, разными способами старалась удержать у себя власть и довела до того, что ханша Дарма-Бала скрылась въ г. Черный-Яръ, а сынъ ея Галданъ-Данджинъ съ Баемъ и Убушою, отдалились къ г. Красному Яру. Какъ Галданъ-Данджинъ (родной дядя ея по мужѣ — сынъ Аюки хана) былъ одинъ изъ первыхъ, имѣвшихъ право на ханство, и партія его была самая опасная для Джаны, то она, недолго думая, выдвинула противъ него войска мужа и 27 іюня, въ ур. Бага-Болхунъ (на луговой сторонѣ ниже г. Чернаго-Яра), разбила его, причемъ Галданъ Данджинъ, Бай, Убуши, съ ихъ родственниками, были захвачены и Джанъ приказала ихъ умертвить [16]). Это, какъ мы

---

[15]) Пепелъ его похороненъ на луговой сторонѣ р. Волги въ ур. Ордирекъ, между нынѣшнихъ селеній Харабалей и Селитрянаго, гдѣ и была выстроена ханшею *цаца* (памятникъ).

[16]) Бабарыкинъ былъ свидѣтелемъ этого сраженія. Изъ бумаги его отъ

говорили, вынудило правительство послать изъ Петербурга Татищева, почему Джанъ удалилась на Кубань, къ брату своему, главному кабардинскому владѣльцу, Мухамету-Каргокину и тамъ хотѣла ожидать разрѣшенія изъ Петербурга.

Ханша Дарма-Бала, озлобленная умерщвленіемъ сына Галданъ-Данджина, послала въ Петербургъ съ просьбою объ утвержденіи главнымъ владѣльцемъ Дондокъ-Дашу и объ этомъ также начали просить другія вліятельныя лица, представляя, въ противномъ случаѣ, что весь калмыцкій народъ разбредется. По мнѣнію кабинетныхъ министровъ, «*Джанъ и ея дѣтей нельзя допустить къ правленію народомъ, потому что она магометанка и всегда будетъ на сторонѣ кабардинцевъ и можетъ современемъ перевесть всѣхъ владѣльцевъ; сверхъ того, признается предосудительнымъ и то, что Дондукъ-Омбо о ханствѣ дѣтямъ своимъ просилъ по мимо россійскаго двора Далай-Ламу*», почему Дондокъ-Даши былъ назначенъ намѣстникомъ ханства.

Такимъ образомъ, дѣйствія Джаны нисколько не придали силы задуманному ею плану. Джанъ, недовольная назначеніемъ Дондокъ-Даши, вторично удалилась на Кубань съ дѣтьми и приверженцами, искать помощи у своихъ родственниковъ; но обманутая въ надеждѣ, вынуждена была вернуться въ улусы. Она была отправлена въ Петербургъ, гдѣ и приняла св. крещеніе, — названа Вѣрою, а дѣти ея Додьби и Асарай, Алексѣемъ и Іоною, съ фамиліею князей Дондуковыхъ. (Д. 1761 г. № 9 [17]).

---

28 іюня (на другой день послѣ сраженія, Д. 1741 г. № 168) видно, что «*онъ пріѣхалъ поздно, когда уже сраженіе началось; ханша не послушалась его прекратить дѣйствія,—хотя же онъ посылалъ своихъ людей къ Данджину; но войска ханши не допустили*». Сраженіе было въ 20 верстахъ отъ расположенія лагеря; но Бабарыкинъ не сдвинулъ войскъ и не видно никакихъ мѣръ его, чтобы избавить отъ смерти Галданъ-Данджина и др. (Впрочемъ, онъ можетъ быть и не ожидалъ подобной развязки). Когда послѣ разбитія, Бодонгъ, начальствовавшій войсками Джаны, началъ разорять улусы Данджина, то и этого Бабарыкинъ не предупредилъ, а уже губернаторъ выслалъ войска подъ командою подполковника Эбрехта. Бодонгъ напалъ на Эбрехта; но улусы были защищены.

[17]) Потомство ихъ теперь князья Дондуковы-Корсаковы. Старшій сынъ Джаны Рандулъ, былъ положительно горецъ и когда Джанъ съ дѣтьми была

Оканчивая разборъ о Дондукъ-Омбѣ, мы приведемъ одно обстоятельство, которое можетъ указать значеніе калмыковъ въ прошедшемъ столѣтіи.

Воспользовавшись смертію Дондокъ-Омбо хана и замѣшательствомъ, произведеннымъ въ народѣ ханшею Джанъ, киргизы средней и части малой орды, подъ предводительствомъ Кучукъ хана, султановъ: Барика, Аблая, Эсетъ батыря, Джанибекъ батыря, Бармакъ батыря и другихъ, въ числѣ 30,000, переправились чрезъ Яикъ, съ цѣлію напасть на калмыковъ. 24 августа 1741 года ниже г. Чернаго-Яра, въ ур. Халтали, киргизы встрѣтились съ калмыцкимъ войскомъ Джаны (съ русскихъ укрѣпленій по Яику дано было знать о переходѣ киргизъ, почему войска и были приготовлены). Калмыки напали на киргизъ и держали ихъ въ атакѣ три дня. На четвертый, попустили ихъ отойти назадъ въ степь, такъ какъ при Волгѣ, они имѣли для себя воду. Когда киргизы отошли верстъ 30, то въ безводной степи, калмыки вновь атаковали ихъ и въ продолженіи пяти дней шелъ бой; на шестой день, при началѣ атаки, киргизы прислали къ сыну Дондукъ-Омбы, 10-тилѣтнему Рандулу (какъ представителю хана) и къ нойонамъ, командовавшимъ войскомъ, Бодонгу и Сербетю, Бармакъ батыря съ предложеніемъ мира и сказывали, «*что они пришли калмыковъ раззорить, не ожидая себѣ отпора, такъ какъ ханъ померъ, и народъ находится въ замѣшательствѣ*». Владѣльцы, по совѣщаніи между собою, «*какъ у нихъ уже мало остается пороху и ядеръ для пушекъ и ружей и хотя могутъ взять ихъ ручнымъ боемъ, но должны и сами потерять много народа*»,—согласились заключить миръ, почему хану, султанамъ и старшинамъ, въ числѣ 40 человѣкъ, предложили слѣдующія условія: «*чтобы войны не имѣть другъ съ другомъ до тѣхъ поръ, пока родившійся въ этомъ году младенецъ, придетъ въ возрастъ, будетъ въ состояніи владѣть сайдакомъ, ѣздить на лошади и быть способнымъ къ войнѣ. Сдѣлать размѣнъ плѣнныхъ поголовно человѣка*

отправлена въ Петербургъ, то онъ бѣжалъ на Кубань; послѣ же, онъ хотя и былъ доставленъ, но не перенесъ перемѣны и вскорѣ померъ.

на человѣка. Въ разграниченіи земли, постановлено, чтобы киргизы кочевали за Эмбою и къ Уралу не подходили» [18]).

Такъ, гордый ханъ Кучукъ, вернулся со стыдомъ, вынужденный подписать и утвердить присягою предложенныя ему условія.

Дондокъ-Даши ханъ.

Дондо́къ-Даши (Дон-роб-раши), сынъ Чакдор-Джаба отъ Габили, дочери дербетевскаго Мунко́-Темира, имѣлъ двухъ сыновей, Асара́я и Убушу, отъ двухъ сестеръ хошоутовскаго владѣльца Замьянга, Церѐн-Джаллы и Найджитаны (Д. 1771 г. №№ 23, 397, 406:), въ замѣнъ чего, выдалъ за Замьянга свою сестру Дана̀ръ. Назначенъ намѣстникомъ ханства 31 іюля 1741 года.

Какъ Дондукъ-Омбо представлялъ несовсѣмъ твердыя начала для пользы Россіи и по случайному назначенію, ему были предоставлены слишкомъ значительныя привиллегіи, то правительство, при назначеніи Дондокъ-Даши, постановило совершенно новыя начала. Какъ во время бывшихъ междоусобій, партіи всегда намѣревались отходить—или въ подданство Турціи, или въ горы и за Яикъ, то и было постановлено, чтобы отъ Дондокъ-Даши взять въ аманаты сына его и этотъ порядокъ постановить для всѣхъ послѣдующихъ хановъ [19]). Кромѣ

[18]) Когда вступилъ уже въ управленіе Дондокъ-Даши, то правительство, стараясь утвердить миръ между калмыками и киргизами, грамотою 18 января 1742 г. (Д. 1742 г. № 175) предписало Абдулъ-Хаиръ хану, выслать къ губернатору Татищеву султановъ и другихъ знатныхъ лицъ, куда и Дондокъ-Даши обязанъ былъ выслать знатныхъ калмыковъ «*для подтвержденія прежняго договора*».

[19]) Изъ дѣла 1742 г. № 175 видно, что правительство и отъ прежнихъ хановъ старалось взять аманатовъ, но ничего не могло сдѣлать. При Аюкѣ, вопросъ не могъ быть поднятъ. Церенъ-Дондукъ и Дондукъ-Омбо пользовались привиллегіями, первый въ виду прибытія китайскаго посольства, а второй—бѣдствіями междоусобія. При первоначальномъ же принятіи подданства Шукуръ-Дайчиномъ и Мончакомъ, отъ нихъ были взяты аманаты (Пол. Соб. Зак. Т. IV № 1792 г. § 36).

этого, отъ Дондокъ-Даши былъ взятъ въ Петербургѣ реверсъ, 4 октября (Д. 1741 г. № 152), которымъ онъ обязался: «*служить вѣрно, съ иностранными государствами и народами сношеній не имѣть и посольствъ не отправлять, а если къ нему и будутъ пріѣзжать посольства, то представлять разсмотрѣнію Двора, крещеныхъ калмыковъ къ себѣ не принимать, въ чемъ и отдаетъ своего сына въ аманаты*».

Управленіе Дондокъ-Даши, сначала шло мирно и отношенія его къ правительству были самыя дружелюбныя. На просьбу его—построить для него крѣпость, гдѣ бы онъ могъ жить зимою, грамотою тайному совѣтнику В. Н. Татищеву 30 ноября 1741 г. пунк. 4 велѣно «*построить крѣпостицу и дома для Дондокъ-Даши и его служителей; для драгунъ казаковъ и чиновниковъ, построить церковь; крѣпость укрѣпить пушками* [20]). Въ то же время онъ просилъ Императрицу построить двѣ крѣпости: на Яикѣ и въ Индерскихъ горахъ, для охраненія отъ набѣговъ киргизъ и, грамотою 14 марта 1744 г., ему дано знать, что крѣпости построены (Д. 1741 г. № 152). Но обстоятельства опять начали слагаться къ худшему и мы увидимъ, что сынъ Дондокъ-Даши, выросшій въ направленіи отца, наконецъ оставилъ покровительство Россіи.

Дондокъ-Даши, изъ предшествовавшихъ событій, должно быть, убѣдился, что для полнаго обезпеченія его власти, нужна сила и поэтому старался взять себѣ улусы умершихъ братьевъ и подвластныхъ Дондукъ-Омбо хана, оставшихся за удаленіемъ Джаны. Съ другой стороны, правительство, наученное тѣми же событіями, смотрѣло иначе. По поднятому вопросу: *раздѣлить ли улусы между наслѣдниками Чакдор-Джаба и Дондукъ-Омбы, или предоставить ихъ нераздѣльно въ управленіе Дондокъ-Даши, т. е. уравновѣсить ли силу всѣхъ владѣльцевъ или дозволить одному усилиться*, было рѣшено первое, почему указомъ 12 января 1742 года (Д. 1742 г. № 176), Дондокъ-Даши оставленъ при собственныхъ подвласт-

[20]) Мѣсто первоначально было назначено ур. Ичкиберское, по выше Замьяновской станицы, но послѣ крѣпость выстроена въ ур. Енотаевской лукѣ, гдѣ теперь городъ Енотаевскъ.

ныхъ и чтобы онъ былъ немногимъ сильнѣе прочихъ владѣльцевъ, ему отданы улусы Церенъ-Дондука и Галданъ-Данджина. Это было началомъ неудовольствія Дондокъ-Даши, причемъ у него началась ссора, перешедшая въ открытую вражду, съ губернаторомъ Татищевымъ и послѣдній, для ослабленія власти намѣстника, предлагалъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ (Д. 1745 г. № 237), женить кого нибудь изъ русскихъ чиновниковъ на крещеной дочери Дондокъ-Омбо хана (Надеждѣ) и отпустить въ улусы, что впрочемъ Коллегія отвергла.

Письмомъ 6 сентября 1743 года (Д. 1744 г. № 210), Дондокъ-Даши просилъ Императрицу, объ освобожденіи сына его Асарая, «*такъ какъ онъ малолѣтній и у него одинъ и потому, что отъ прежнихъ хановъ никогда не было аманатовъ, что онъ считаетъ себѣ зазрѣніемъ*» [21]). Эту просьбу свою, онъ повторялъ при всякомъ удобномъ случаѣ; но правительство, постановивъ правило имѣть аманата отъ калмыцкаго хана, не сочло нужнымъ измѣнять порядокъ, почему Асарай не былъ освобожденъ и въ 1744 году померъ аманатчикомъ.

Послѣ этого начинается совершенно другое направленіе Дондокъ-Даши. Подполковникъ Спицынъ, смѣнившій Бабарыкина, 20 ноября 1744 г. (Д. 1744 г. № 211) доносилъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, что по смерти Асарая, Дондокъ-Даши, Бодонгъ и Замьянгъ, *находятся въ вредительныхъ замыслахъ*. Недовѣріе Дондокъ-Даши къ правительству дошло до того, что онъ пересталъ ѣздить въ города, боясь, что его возьмутъ и будутъ содержать аманатомъ — и, наконецъ, онъ началъ выказывать себя уже явно. Когда хошоутовскій владѣлецъ Ончикъ пожелалъ креститься съ двумя своими сыновьями и семью зайсангами, то Дондокъ-Даши пріостановилъ въ улусѣ

[21]) Изъ дѣла 1709 г. № 3 видно, что въ Астрахани былъ аманатный дворъ; но въ немъ содержались только аманаты отъ горскихъ народовъ, принимавшихъ подданство, или входившихъ съ Россіею въ особые договоры и обязательства. Изъ дѣлъ 1743 г. № 199, 1749 № 284, видно, что въ Астрахани, въ старомъ мечетномъ саду былъ выстроенъ въ 1742 году особый великолѣпный домъ со службами и пристроями, для пріема пріѣзжавшихъ въ Астрахань хана и владѣльцевъ; въ немъ содержался Асарай съ дядьками и прислугою. По смерти Асарая, домъ и садъ предположено было снести, такъ какъ мѣсто понадобилось подъ пристрой крѣпости.

жену его, дѣтей и имущество, въ противность правила, постановленнаго еще съ Аюки хана, что *желающему креститься, по закону христіанскому отказывать нельзя, почему всякій, желающій крещенія, освобождается отъ вліянія хана.* На требованіе Татищева, Дондокъ-Даши отвѣчалъ: «*когда кто уже крестился, мы не требуемъ, а хотя кто креститься желаетъ и о томъ мы увѣдаемъ и отъ того удержимъ или хотя и побьемъ до смерти, за то на насъ штрафа не взыскивалось, для того что они еще въ нашихъ рукахъ*».

Въ бывшую тогда войну у Россіи съ Персіею, Дондокъ-Даши, помня смерть сына своего въ аманатахъ, хотѣлъ передаться на сторону послѣдней [22]). Этимъ воспользовался Татищевъ, примкнувшій къ себѣ ханшу Дарму-Балу. Дошло до того, что дѣло пришлось разбирать въ Петербургѣ, которое, впрочемъ, кончилось не въ пользу Татищева (Д. 1745 г. №№ 227, 228, 230) [23]). На мѣсто Татищева, былъ назначенъ Брылкинъ; къ калмыцкимъ же дѣламъ, генералъ-лейтенантъ Еропкинъ (грам. 25 іюля 1745 г. Д. 1745 г. № 237). Союзницу Татищева Дарму-Балу, по 4 пунк. инструкціи, велѣно было отправить въ Воронежъ для содержанія—и этимъ послѣднимъ распоряженіемъ (Д. 1745 г. № 233), Татищевъ былъ поставленъ въ самое затруднительное положеніе, такъ какъ, отсылка Дармы-Балы, была возложена на него же и онъ вынужденъ былъ сказать ей, что ее велѣно отправить въ Петербургъ.

Уступка Дондокъ-Дашѣ со стороны правительства, не перемѣнила однако его враждебныхъ настроеній. Когда, по разбитіи Крыма, два сына крымскаго хана скрылись у кабардинскихъ князей кошкатовской партіи, то на Кавказѣ образовались двѣ партіи, враждебныя между собою. Когда кошкатовская партія была побѣждена и Арсламбекъ (скрывшій дѣтей хана),

---

[22]) Объ этомъ первоначально донесъ подполковникъ Спицынъ 29 мая 1745 г., что послѣ подтвердилъ Татищеву и братъ Дондокъ-Даши, Бусурманъ. Планъ этотъ разстроилъ Бодонгъ, другой братъ, котораго Дондокъ-Даши арестовалъ за то, что онъ не хотѣлъ ѣхать къ русскому двору.

[23]) Правительство, нужно думать, уступило значенію Дондокъ-Даши, такъ какъ Татищева ни въ чемъ нельзя обвинить.

былъ выданъ и содержался въ Кизлярѣ, то сынъ его Хамза, обратился къ посредничеству Дондокъ-Даши. Онъ, настоятельно требовалъ освобожденія Арсламбека и 27 января 1752 г. писалъ, что *признаетъ это противнымъ и незаконнымъ* (Д. 1752 г. № 309). Въ этомъ же году, Дондокъ-Даши сдѣлалъ распоряженіе, чтобы калмыки, кому бы сколько ни были должны, долговъ своихъ не платили и всѣхъ калмыковъ, состоявшихъ въ работахъ: по ватагамъ, на рыбныхъ промыслахъ и въ др., мѣстахъ, приказалъ собрать въ улусы. Какъ калмыки, по работамъ, много забирали денегъ и рыбопромышленники должны были потерпѣть значительные убытки, тѣмъ болѣе, что, при малонаселенности края, главную рабочую силу составляли калмыки, то губернаторъ Брылкинъ вступился и пріостановилъ посланныхъ отъ исполненія, впредь до полученія отвѣта на его письмо; но Дондокъ-Даши вновь подтвердилъ немедленно всѣхъ отобрать и выгнать по улусамъ (Д. 1752 г. № 309). Этою мѣрою, онъ значительно подорвалъ рыбные промыслы, пріостановилъ работы въ самое нужное время. Крещеніе калмыковъ, до 1750 года, шло весьма успѣшно и въ нынѣшней Самарской губерніи, образовалось много поселеній изъ крещеныхъ калмыковъ; но чрезъ нѣсколько лѣтъ, всѣ почти поселенія уничтожились—и причиною этого былъ Дондокъ-Даши.

Вообще, Дондокъ-Даши поставилъ себя такъ, что еще съ 1744 года, правительство не стало уже довѣрять ему (грам. Татищеву 10 марта 1744 года)—и, только спустя 16 лѣтъ, онъ утвержденъ ханомъ, а сынъ его, Убуши, намѣстникомъ ханства (Выс. указъ 20 февраля 1758 г. № 347), причемъ ему присланы знаки на ханское достоинство: жалованная грамота, знамя, сабля, шапка и шуба собольи, крытыя парчею [24]).

[24]) Въ годѣ назначенія Дондокъ-Даши ханомъ, выходитъ разница по знамени. Это знамя было гарнитуровое, бѣлое, кругомъ его, по краямъ, съ обѣихъ сторонъ, рамки золотыя, на одной сторонѣ, на верху, прописанъ золотыми россійскими литерами титулъ, подъ ними гербъ россійскій—черный двуглавый орелъ подъ золотыми коронами; на этой же сторонѣ, къ древку, три герба подъ золотыми коронами: 1) Кіевской губерніи—Архангелъ Михаилъ съ мечемъ и щитомъ; 2) Престолъ и на немъ стоящіе три подсвѣчника со свѣчами, крестъ и скипетръ золотые; по обѣимъ сторонамъ престола два, стоящіе на заднихъ ногахъ, черные медвѣди, а подъ ними четыре рыбы;

Правленіе Дондокъ-Даши, не ознаменовано никакими особенными заслугами, кромѣ, что при немъ, калмыки учавствовали въ войнѣ въ Лифляндіи и, поэтому, вѣроятно, въ высланномъ знамени, помѣщенъ гербъ Лифляндскій, а въ 1756 году (грамота 16 апрѣля, Д. 1756 г. № 7), 8000 калмыцкаго войска, было послано въ Малороссію.

Дондокъ-Даши померъ 21 января 1761 года (Д. Суда-Зарго 1758 г. № 32 т. I) и въ управленіе народомъ вступилъ 16-тилѣтній сынъ его Убуши, утвержденный въ 1758 году намѣстникомъ ханства. Дондокъ-Даши страдалъ каменною болѣзнію, померъ скоропостижно. Вечеромъ онъ игралъ въ карты, потомъ напившись чаю, вышелъ на дворъ и его нашли тамъ чуть живымъ,—онъ вскорѣ померъ.

Намѣстникъ ханства Убуши.

Мы не будемъ говорить объ управленіи Убуши, какъ ничѣмъ особенно незамѣчательномъ; но разберемъ, какъ слагались обстоятельства къ уходу калмыковъ изъ покровительства Россіи.

Какъ мало разработанъ вопросъ о калмыкахъ, служитъ уходъ ихъ въ предѣлы Китая, причиною чего выставлялись

---

3) Астраханской губерніи—корона и подъ нею мечъ. На другой сторонѣ знамени, три же герба подъ золотыми коронами: 1) Княжества Лифляндскаго—левъ, съ держащимъ крестомъ; 2) Казанской губерніи—черный змѣй съ крыльями и 3) Сибирской губерніи—два стоящіе черные соболя, держащіе по одной стрѣлѣ и поперекъ ихъ лукъ. Внизу, подъ всѣмъ этимъ, Высочайшій титулъ калмыцкимъ золотымъ письмомъ, на другой сторонѣ, подъ титуломъ написано, что *оное знамя, повелѣніемъ Ея Императорскаго Величества дано Дондукъ-Даши, при пожалованіи его ханомъ калмыцкимъ. 1759 годъ.* Подъ этимъ вензель золотой съ изображеніемъ Высочайшаго имени. Объявленіе Дондокъ-Даши ханомъ было въ ур. Соленомъ Займищѣ. Въ память этого, Черноярскій комендантъ Племянниковъ поставилъ на бугрѣ дубовый четырехъугольный столбъ (каждая сторона въ $1^1/_2$ аршина, въ вышину 5 арш.) и послѣ, въ него былъ вдѣланъ камень, съ вырѣзкою по русски и калмыцки, заказанный Дондокъ-Дашею. Церемоніалъ объявленія его ханомъ, довольно интересный.

поборы и притѣсненія русскихъ приставовъ по улусамъ; тогда какъ, приставовъ тогда еще не было, а причина кроется въ интригѣ самихъ владѣльцевъ, доведшей народъ до самыхъ гибельныхъ послѣдствій.

Сколько ни описывался уходъ калмыковъ въ Азію, это были большею частію отрывочныя свѣдѣнія. Въ послѣднее время появилась брошюра г. Юр.-ко.—,исключительно объ этомъ вопросѣ, перепечатанная изъ Уральскихъ войсковыхъ вѣдомостей; но и она наполнена ошибками. г. Ко.—въ примѣчаніи, самъ говоритъ, что для составленія статьи, послужило дѣло изъ архива Уральской войсковой канцеляріи объ уходѣ калмыковъ; но естественно, по одному дѣлу, легко впасть въ ошибку. Вообще, на сколько статья г. Ко.— интересна въ движеніяхъ нашихъ войскъ и въ другихъ приведенныхъ данныхъ (въ чемъ вѣроятно руководствовался авторъ не однимъ архивнымъ дѣломъ), настолько ею нужно осторожно пользоваться, гдѣ касается калмыковъ.

Г. Юр-ко, какъ и предшественники, причину ухода выставляетъ безнаказанные поборы, притѣсненія и вымогательства разнаго рода, признавая впрочемъ, что приставовъ тогда по улусамъ не было, а всѣ эти злоупотребленія были отъ двухъ лицъ: губернатора Бекетова и состоявшаго при калмыцкихъ дѣлахъ полковника Кишенскова. Свое мнѣніе г. Юр-ко основываетъ на письмѣ Убуши къ Нурали хану; но высказывая подобное строгое обвиненіе на основаніи даже этого письма, нужно было подумать, что Убушѣ нужна была причина и онъ совершенно не гнался, на сколько она будетъ казаться будущему историку справедливою. Г. Ко.—самъ говоритъ, что народъ управлялся ханами по своимъ законамъ и обычаямъ; признаетъ, *«что такою громадною массою управляли только два лица—Бекетовъ и Кишенсковъ; что это было только попеченіе надъ народомъ, высшій административный надзоръ; во внутренніе порядки они не вмѣшивались; вліяніе ихъ на калмыковъ было чисто внѣшнее»*; но когда попалось ему заявленіе Убуши и донесеніе служившаго при Оренбургскомъ губернаторѣ, переводчика Арапова *«какъ слухъ носится»*, то онъ, по этому слуху, со всею строгостію выстав-

ляетъ Бекетова и Кишенскаго, забывъ, *«что вліяніе ихъ было внѣшнее»*, что они жили не въ средѣ народа, а въ городахъ: Астрахани и Енотаевскѣ, были между собою враги и, что, вслѣдствіе вражды ихъ, Бекетовъ еще съ 1767 года, былъ вовсе отстраненъ отъ управленія калмыками.

На основаніи подробныхъ архивныхъ документовъ, мы постараемся разъяснить вопросъ.

Послѣднее время ханства Дондокъ-Даши, замѣчательно было тишиной и спокойствіемъ. Съ смертію его, начались вновь интриги владѣльцевъ, въ особенности, когда сынъ его Убуши, былъ подтвержденъ въ достоинствѣ намѣстника ханства (Высочайшій указъ 12 августа 1762 г. Д. 1763 г. № 4). Здѣсь, главнымъ лицомъ явился Цебе́къ-Дорджи, сынъ Галда́нъ-Нормы, внукъ Дондукъ-Омбо хана.

Несовершеннолѣтній Убуши заискивалъ дружбы Цебекъ-Дорджи и приглашалъ его къ себѣ (Д. 1763 г. № 13); но тотъ, разбитый въ планахъ, не думалъ нисколько о дружбѣ и подъ разными предлогами отговаривался отъ поѣздки. Цебекъ-Дорджи началъ съ того, что безъ всякой причины, бѣжалъ изъ улусовъ на Донъ, подъ видомъ, что намѣстникъ хочетъ умертвить его и тамъ, между прочимъ, потребовалъ, чтобы ему были возвращены улусы дѣда (часть, доставшаяся на долю кн. Дондуковыхъ, отданная при отправленіи ихъ въ Петербургъ, Дондокъ-Дашѣ, впредь до востребованія). Съ Дона, Цебекъ-Дорджи отправился въ Петербургъ, подъ видомъ требованія улусовъ дѣда, но собственно, чтобы добиться себѣ ханства, надѣясь тамъ на поддержку своихъ дядей кн. Дондуковыхъ; но послѣдніе предупредили его въ свою пользу. Воспользовавшись смертію Дондокъ-Даши хана, княгиня Вѣра Дондукова, начала хлопотать объ отдачѣ ея дѣтямъ подвластныхъ улусовъ и объ отпускѣ ея въ степи, выставляя причиною свое нездоровье. Было рѣшено отдать ей (подъ видомъ ея дѣтей), наслѣдственную часть Бага-цохуръ и на докладъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ 8 марта 1762 года, Высочайше повелѣно было: *«Княгинѣ Дондуковой съ старшимъ ея сыномъ полковникомъ Алексѣемъ Дондуковымъ, возвратиться и вступить въ управленіе Багацохуровскимъ улусомъ, но*

*

съ условіемъ жить въ Енотаевскѣ» (меньшой сынъ, Іона Дондуковъ, былъ оставленъ для постояннаго житья въ Петербургѣ). Грамотою намѣстнику, предложено было отдать Дондукову его подвластныхъ.

Такъ, со смертію Дондокъ-Даши, въ народѣ опять начались прежніе безпорядки. Бѣгство Цебекъ-Дорджи поставило всѣхъ въ сомнѣніе. *Багацохуры* (ему подвластные) стали разглашать, что Убуши утвержденъ не надолго, что онъ будетъ схваченъ и умерщвленъ, а главнымъ владѣльцемъ будетъ Цебекъ-Дорджи— и этотъ слухъ, а равно возвращеніе Дондуковыхъ и отдача имъ подвластныхъ, заставили неопытнаго Убушу на все смотрѣть съ подозрѣніемъ. Этотъ слухъ подѣйствовалъ и на народъ. *Эркетени*, подвластные Убушѣ, всегда отличавшіеся своевольствомъ, первые поднялись и перешли въ нагорную сторону къ Цебекъ-Дорджѣ, а вслѣдъ за ними поднялись *баруны* и *багуты* и наконецъ, *багацохуры*, слѣдовавшіе въ отдачу Дондуковымъ. Сдѣлано было распоряженіе не перепускать ихъ въ нагорную сторону, для чего была выслана военная команда изъ г. Чернаго-Яра, но они разбили ее и перешли.

Волненіе въ народѣ сдѣлалось всеобщимъ и образовалось нѣсколько партій. Багацохуры (подвластные Цебекъ-Дорджѣ), не переставали распускать слухъ, что ихъ владѣлецъ будетъ главнымъ начальникомъ. Багацохуры (Дондуковыхъ), разглашали, что они отданы Вѣрѣ Дондуковой съ тѣмъ, чтобы, впослѣдствіи, всѣхъ калмыковъ привести въ христіанство. Третьи, удивленные возвращеніемъ Дондуковыхъ и предоставленіемъ крещенымъ владѣльцамъ права надъ некрещеными калмыками, причемъ и Вѣра Дондукова снова начала интриговать, распустили слухъ, что есть намѣреніе принудить калмыковъ къ крещенію и сдѣлать новое распоряженіе о раздѣленіи улусовъ, причемъ приводилось уже и самое предполагаемое раздѣленіе, на три части: Шебинеры, Баруны и Запсоры—Дондуковой; Цоохуры—Цебекъ-Дорджѣ, а Намѣстникъ долженъ остаться при природныхъ Керетахъ и Цатанахъ [25]). Результатомъ всего

---

[25]) На сколько былъ справедливъ слухъ, распространенный въ народѣ о крещеніи, неизвѣстно; но нужно предполагать, что въ начавшуюся тогда

этого вышло то, что одинъ изъ вліятельныхъ, Бамбаръ, (сынъ Лубжи, внукъ Дорджи-Назарова) съ приставшими къ нему владѣльцами положили, взявъ народъ, уйти на Кубань, подъ протекцію Турціи, или за Яикъ, въ степи.

Всѣ эти толки и волненія въ народѣ, вынудили правительство принять рѣшительныя мѣры, почему, въ виду предпріимчивости крымскаго хана, велѣно было приготовить войска на Дону и въ Кизлярѣ, а грамотою 15 января 1763 года, къ намѣстнику и прочимъ владѣльцамъ, опровергались всѣ распространенные въ народѣ слухи. Къ бригадиру Бехтѣеву, находившемуся у калмыцкихъ дѣлъ, былъ отправленъ на случай надобности драгунскій полкъ и грамотою 15 января за № 86, предписывалось ему, что «если уговоръ не подѣйствуетъ, то употребить и воинскій поискъ; но сдѣлать такъ, чтобы не могло явиться причины къ большему ихъ отчужденію и уходу за-границу». Какъ въ распространеніи слуховъ и замѣшательствѣ, немаловажную роль играли Дондуковы, то грамотою 7 мая, велѣно было имъ успокоиться; въ противномъ случаѣ, они снова будутъ отозваны въ Петербургъ.

реформу, народъ этотъ не былъ оставленъ въ забвеніи. Со смерти Дондокъ-Даши, былъ поднятъ вопросъ о какомъ либо преобразованіи и что это должно было идти чрезъ посредство принявшей христіанство фамиліи Дондуковыхъ. Это видно изъ слѣдующаго: Дондуковы, по смерти Дондокъ-Даши, отпущены въ улусы и имъ возвращена часть ихъ подвластныхъ. Когда княгиня Дондукова опять вмѣшалась въ дѣла и ей это воспрещено, то вслѣдъ за этимъ, указомъ 12 мая за № 625, велѣно бригадиру Бехтѣеву обнадеживать Дондукову съ сыномъ, что «*Императрица соизволяетъ пожаловать обѣщанными прежде россійскими деревнями*». Когда Бехтѣевъ доносилъ Коллегіи Иностр. Дѣлъ о намѣреніи кн. Алексѣя Дондукова жениться на дочери Дербетевскаго владѣльца Сампиль-Норбо, въ чемъ онъ уже согласился съ главнымъ Дербетевскимъ владѣльцемъ, то въ указѣ Коллегіи отъ 15 сентября 1763 г. № 575 сказано, что если это справедливо, слѣдовательно «*весь тотъ трудъ, каковъ до нынѣ употребленъ былъ, чтобы сдѣлать изъ него надежнаго человѣка къ употребленію впредь въ калмыцкомъ народѣ для приведенія онаго въ познаніе христіанства, хотя исподволь при могущихъ быть удобныхъ случаяхъ или съ пріобученіемъ онаго имѣть надъ собою начальника для здѣшней пользы прямо и непритворно въ христіанскомъ законѣ находящагося*» долженъ пропасть, почему предписывалось слѣдить, какъ содержится Дондуковымъ христіанство и ни за что не допускать его жениться на калмычкѣ; если же онъ уже рѣшится, «*то объявить ему указомъ*». (Это разстроило женитьбу Дондукова и онъ остался холостякомъ).

Главною причиною успокоенія, былъ самъ Цебекъ-Дорджи. Отправляясь въ Петербургъ съ свѣтлыми надеждами, не только возвратить себѣ улусы дѣда, но и получить ханство, онъ, съ самаго пріѣзда, вынужденъ былъ разочароваться. Дондуковы, на помощь которыхъ онъ разсчитывалъ (о чемъ онъ писалъ съ Дону къ Додьби-Алексѣю Дондукову), позаботились прежде о себѣ. Правительство не видѣло никакой необходимости измѣнять, изъ угожденія Цебекъ-Дорджѣ, заведенный порядокъ и начинать новое замѣшательство въ народѣ, тѣмъ болѣе, что Убуши, былъ уже подтвержденъ въ прежде пожалованномъ ему званіи *намѣстника ханства*, почему, Цебекъ Дорджѣ было прямо сказано, чтобы онъ довольствовался улусами, полученными прежде; а въ претензіи, онъ будетъ разобранъ во вновь учрежденномъ при намѣстникѣ Зарго (судѣ). Этотъ отказъ былъ тѣмъ чувствительнѣе для Цебекъ-Дорджи, что *багацохуры* прославили уже его побѣду и на его сторону, какъ мы видѣли, передались улусы Убуши.

Злоба Цебекъ-Дорджи должна была излиться на кого нибудь. Вспомня месть ханши Джанъ (Вѣры Дондуковой) отцу его и будучи самъ обманутъ, онъ не могъ пристать къ Дондуковымъ. Въ правительствѣ, онъ не добился значенія. Подобрать партію въ остальныхъ владѣльцахъ, онъ не могъ, такъ какъ, съ слабыми нечего было связываться, а изъ вліятельныхъ, Бамбаръ (сынъ Лубжи), не подчинилъ бы себя исключительно его распоряженіямъ—поэтому, вниманіе его обратилось на самого Убушу, чтобы силою отомстить Дондуковымъ, а дружбою своею съ Убуши, отомстить, ему же самому и Россіи. Планъ его состоялъ въ томъ, чтобы выставлять Убушу неспособнымъ управлять народомъ и коварнымъ къ Россіи, вооружая его, въ тоже время противъ всѣхъ распоряженій правительства. Въ этомъ, конечно, видна цѣль—замѣнить собою Убушу; но онъ зашелъ слишкомъ далеко и мы увидимъ, что эта дружба его, была гибельна для народа.

Добившись дружбы Убуши, Цебекъ-Дорджѣ нужно было находиться при немъ безотлучно. Какъ при намѣстникѣ, по докладу Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ 8 марта 1762 года, былъ узаконенъ Зарго изъ 8 членовъ, то грамотою 8 мая 1765 г.

(Д. 1765 г. № 4), чтобы придать болѣе силы и значенія этому *правительству*, назначено въ немъ присутствовать одному владѣльцу, а чтобы сдѣлать угожденіе Цебекъ-Дорджѣ, то онъ назначенъ первоприсутствующимъ, съ двойнымъ жалованьемъ противъ остальныхъ 8 членовъ.

Такимъ образомъ, Цебекъ-Дорджи добился исполненія своего плана. Передавъ управленіе народомъ братьямъ своимъ Кирипу и Аксахàлу, онъ находился безотлучно при Убушѣ и съ этихъ поръ начались его козни. Возвращеніе Дондуковыхъ; учрежденіе Зарго, чего при прежнихъ ханахъ не было; поселеніе Замьянга и заведеніе казачьихъ станицъ на правомъ берегу Волги (Д. 1765 г. № 1); перепись кибитокъ, вызванная самими же владѣльцами, чтобы прекратить захватъ однимъ у другаго подвластныхъ (Д. 1765 г. № 5, 1772 г. № 434); заселеніе лѣваго берега р. Волги, отъ Саратова до Царицына (Д. 1765 г. № 6); послабленіе будто бы суда надъ русскими по дѣламъ съ калмыками; распоряженіе, чтобы калмыки, въ торговыхъ сношеніяхъ съ русскими заключали акты и другія обязательства на русскомъ языкѣ и свидѣтельствовали помимо калмыцкихъ властей; тактика правительства, не относиться лично къ намѣстнику, а къ вновь учрежденному *международному правительству* (подлинное выраженіе, Д. 1766 г. № 7, 1767 г. № 3); нарядъ войскъ въ войну съ Турціею — вообще, всѣ распоряженія правительства, принимались намѣстникомъ въ смыслѣ угнетенія народа, искорененіи ихъ древнихъ обычаевъ—и въ 1767 году, зародилась первая мысль—оставить предѣлы Россіи.

Объ этомъ первый донесъ хошоутовскій владѣлецъ Замьянгъ. Дондокъ-Даши ханъ и Замьянгъ, женатые на родныхъ сестрахъ одинъ другаго, были, впослѣдствіи, непримиримые между собою враги, благодаря посредничеству Данàры, жены Замьянга, сестры Дондокъ-Даши хана [26]). Когда Замьянгъ, послѣ смерти своей первой жены Данары, женился на вдовѣ зюнгарскаго выходца Деджита, Эльзе-Орошиху и усыновилъ

---

[26]) Интрига Данàры между мужемъ и братомъ, одна изъ замѣчательныхъ но не мѣсто разбирать.

ея сына Тюмѣнь-Джиргалана, то сынъ его (отъ Данары) Бокбо́на, искалъ защиты правъ у дяди хана, а послѣ у своего двоюроднаго брата Убуши и послѣдній особенно горячо вступился за Бокбону. Въ теченіи 7-ми лѣтъ, Убуши и Замьянгъ мстили другъ другу и наконецъ, въ 1770 году, Убуши, поддерживаемый бывшимъ при калмыцкихъ дѣлахъ полковникомъ Кишенскимъ, насильно отнялъ у дяди Замьянга, часть принадлежавшую Бокбонѣ (Хатамутовъ родъ Д. 1770 г. № 397) и Замьянгъ былъ доведенъ имъ до того, что скрывался, не имѣя ни одного прислужника и писалъ Астраханскому губернатору Бекетову, что Убуши и Кишенсковъ положили искоренить его.

Выведенный изъ терпѣнія, Замьянгъ началъ доказывать о намѣреніи Убуши уйти въ Китай. 28 февраля 1767 года, онъ писалъ губернатору Бекетову (Д. 1769 г. № 395) о принятомъ намѣреніи удалиться и причину выставлялъ ту, что посланецъ намѣстника увѣдомилъ его изъ Петербурга о войнѣ Россіи съ Китаемъ и что китайцы два раза разбили русскихъ, почему намѣстникъ и владѣльцы послали къ Оренбургу нарочныхъ развѣдать и положили удалиться [27]). Извѣстіе это Замьянгъ предлагалъ за правильное; но ему не повѣрили, потому болѣе, что въ то время не было никакой войны между Россіею и Китаемъ. Въ 1768 г. 6 ноября и 2 декабря (Д. 1767 г. № 8), Замьянгъ опять писалъ Бекетову; но тотъ 12 ноября отвѣчалъ ему, что о сборѣ намѣстникомъ войска, онъ не долженъ былъ и писать къ нему (вѣроятно потому, что съ Бекетова былъ снятъ надзоръ). Впрочемъ, изъ донесенія Астраханскаго магистрата 12 января 1771 года за № 23 (послѣ уже побѣга, (Д. 1771 г. № 414) видно, что Бекетовъ, еще 16 декабря 1768 г., далъ письменный приказъ, чтобы всѣ были въ осторожности и запасались оружіемъ, слѣдовательно, принялъ предосторожность). 3 февраля 1769 г. (Д. 1769 г. № 395), Замьянгъ вновь доносилъ ему, что намѣстникъ и вла-

[27]) Изъ этого письма Замьянга видно, что еще Аюка ханъ два раза покушался уйти въ Китай, а послѣ него Дондукъ-Омбо и Дондокъ-Даши. По необходимости приходится обратиться къ цѣли посольствъ изъ Китая къ ю кѣ и сыну его Церенъ-Дондуку.

дѣльцы Цебекъ-Дорджи и др., положили поскорѣе переправиться чрезъ Волгу и идти въ Китай, а чтобы отвлечь вниманіе русскихъ, то назначить 1000 или 2000 войска. Бекетовъ не повѣрилъ и этому заявленію, кажется потому, что, намѣстникъ выставилъ 20,000 отрядъ и двинулъ, какъ приказано было, къ Кавказу [28]). Губернатора однакоже заставили усумниться слѣдующія обстоятельства: кизлярскій комендантъ увѣдомилъ, что намѣстникъ, не давши ему знать, распустилъ войска и покочевалъ отъ кабардинскихъ границъ, а Яндыкъ, не извѣстивши Моздокскаго коменданта, тоже отошолъ; что, намѣстникъ сдѣлалъ распоряженіе, всѣхъ калмыковъ, кочевавшихъ по ватагамъ и занимавшихся работами, соединить съ своими улусами, почему Бекетовъ вновь писалъ объ этомъ Кишенскову; но тотъ, письмомъ отъ 22 февраля (л. 13 и 14), разувѣрилъ его, что этимъ слухамъ вѣрить нельзя, а Убуши, узнавшій объ этомъ, писалъ, что Замьянгъ клевещетъ на него по извѣстной ссорѣ.

Замыселъ измѣны, пріостановленный на время, въ тайнѣ велся между владѣльцами. 11 марта 1769 года, Замьянгъ вновь писалъ Бекетову, что имѣетъ много вредныхъ слуховъ; но какъ ему не вѣрили, подозрѣвая, что онъ доноситъ по злобѣ на Убушу, то просилъ дозволенія писать объ этомъ или нѣтъ. Къ Бекетову попало письмо отъ Генделѣевой дочери къ бодокчею, въ которомъ она увѣдомляла о принятомъ намѣреніи— удалиться (Д. 1769 г. № 2). Намѣстникъ приказалъ подвластнымъ дяди своего Яндыка, всѣмъ переходить на луговую сторону, куда и самъ перекочевалъ; наконецъ, Бекетовъ получилъ

---

[28]) Калмыцкій 20,000 отрядъ назначенъ былъ подъ Азовъ, но послѣ его повернули на Кубань, подъ команду генералъ-маіора Демедема (Д. 1769 г. № 1). Извѣстный набѣгами, Сохуръ Арсламбекъ Мурза, съ 4000 шайкою напалъ на передовой отрядъ калмыковъ и разбилъ. Намѣстникъ, съ войскомъ находился тогда въ ур. Яшколь и когда дали объ этомъ знать, то онъ двинулъ свои войска; 29 апрѣля встрѣтился съ горцами на Калаусѣ. Черкесы приготовились къ бою, выбрали лощину, въ концѣ которой былъ буеракъ, куда и примкнули свое правое крыло, а часть войскъ спустили. Калмыки, подошедши къ нимъ, сначала ударили изъ пушекъ вдоль ихъ линіи и когда тѣ пришли въ замѣшательство, то бросились на нихъ. „Спаслось только 500 человѣкъ; самъ Сохуръ-Арсламбекъ увезенъ раненый, его двадцатью сыновьями.

отъ Оренбургскаго губернатора Рейнсдорпа увѣдомленіе, что Шеаренгъ хотѣлъ уйти къ Нурали-хану, но тотъ его не принялъ, потому, что самъ находится подъ протекціей Россіи. На основаніи всѣхъ этихъ свѣдѣній, Бекетовъ 7-го марта, опять писалъ Кишенскову, что хотя онъ увѣряетъ; но чтобы какъ можно примѣчалъ и что онъ одинъ будетъ отвѣчать, такъ какъ ему (Бекетову) не велѣно вмѣшиваться въ дѣла [29]). Все это оставлено безъ послѣдствій. Бекетовъ, хотя обращалъ вниманіе; но былъ поставленъ въ тѣсныя границы, почему и взваливалъ на Кишенскова имѣть наблюденіе. Кишенсковъ напротивъ, бывши другъ намѣстника (видно «что они жили дружно и всѣ дѣла рѣшали согласно»), и состоя при немъ, ничего не замѣчалъ и въ продолженіи трехъ лѣтъ увѣрялъ Бекетова, что слухи эти ложны—и слабое его смотрѣніе, дало возможность созрѣть плану.

Наступилъ исходъ 1769 года. Въ эту зиму положено было удалиться; но обстоятельства заставили калмыковъ пробыть еще годъ въ Россіи—и тутъ, мы еще болѣе увидимъ оплошность начальника калмыцкихъ дѣлъ.

Главными предводителями заговора, какъ видно изъ дѣлъ, были: намѣстникъ, Цебекъ-Дорджи, Бамбаръ, Шеаренгъ, Лама Лоузангъ-Джальчинъ и зайсангъ Даши-Дондукъ, любимецъ намѣстника, какъ говорится, «первый злодѣй и возмутитель». Чтобы запасти провизію для предполагаемаго ухода, а главное, чтобы очистить себѣ путь чрезъ кочевья киргизъ-кайсакъ, въ началѣ 1770 года, были посланы двѣ партіи, которыя оттѣснили киргизъ, прикочевавшихъ на зиму къ Яику, отогнавъ у нихъ значительные гурты скота [30]). Этотъ захватъ и пріостановилъ уходъ на цѣлый годъ. Нурали-ханъ, видя раззореніе своего народа, горячо вступился и послѣ неоднократныхъ его

---

[29]) Вслѣдствіе ссоры Кишенскова съ Бекетовымъ, послѣдній, съ 1767 года отстраненъ отъ завѣдыванія калмыцкими дѣлами. Въ этомъ можно видѣть участіе намѣстника, которому нужно было отстранить дѣятельнаго Бекетова.

[30]) У Нурали хана захвачено: верблюдовъ 9, лошадей 1511, рогатаго скота 1178 и барановъ 2500; изъ письма же его къ Рейнсдорпу отъ 8 февраля 1770 года видно, что всего отогнато у киргизъ овецъ 160,000 рогатаго скота 4578 и лошадей 131501.

писемъ къ Рейнсдорпу, онъ 8 февраля (Д. 1769 г. № 395) писалъ «*или послать войска противъ калмыковъ и отобрать скотъ, или дозволить ему самому управиться и если онъ не сладитъ, то будетъ самого себя винить, а не правительство и останется доволенъ; въ противномъ случаѣ, онъ будетъ идти противъ присяги*». Только благодаря Рейнсдорпу, дѣло начало улаживаться. Онъ уговорилъ Нурали хана пріостановить на время сильныя требованія его письма, обѣщая именемъ своимъ и правительства, возвратить весь скотъ и наказать виновныхъ, прося вмѣстѣ съ тѣмъ Астраханское начальство, принять всѣ мѣры поправить дѣло. Первымъ послѣдствіемъ этого было, что калмыки были переведены съ луговой (лѣвой стороны) въ нагорную (Д. 1769 г. № 395). Эта мѣра, изъ опасности нападенія киргизъ-кайсакъ, пріостановила уходъ, такъ какъ, не было причины опять сдвигать улусы въ луговую сторону и явно открыть свой замыселъ.

Намѣстникъ и владѣльцы, видя неудавшимся планъ и чтобы не открывать цѣли отбитія скота, взвалили дѣло на калмыковъ Бамбара, что какъ они ближе всѣхъ кочевали къ Яику, а киргизы, противъ запрещенія, перешли кочевать на эту сторону Яика, то калмыки, по необузданности своей, напали на нихъ и начали отбивать скотъ, почему намѣстникъ, для вида, началъ принимать мѣры къ возвращенію киргизамъ скота. Но при этомъ, было мало обращено вниманія на слѣдующее обстоятельство: Яицкая войсковая канцелярія, 30 января, донесла губернатору Бекетову, что тамъ пойманы пять человѣкъ калмыковъ Бамбаровыхъ, которые показали, что посланы въ 2-хъ партіяхъ (одна въ 500, другая въ 250 ч.) для отгона скота у киргизъ и присовокупили, что со всѣми улусами, имѣютъ намѣреніе бѣжать въ Зюнгарію, въ свой праздникъ Цаганъ-Сару (1 февраля—*Лу Саръ* по калмыц. счисл.).

Наступила осень 1770 года. Намѣстникъ, по возвращеніи изъ Кубанскаго похода (рапортъ Кишенскова къ Бекетову, послѣ побѣга, отъ 4 февраля. Д. 1771 г. № 397), съ партіею своею, бывшею въ заговорѣ, вновь перешолъ на луговую сторону и чтобы не обратить на это много вниманія, не откочевалъ въ степь, а остался на берегу самой Волги, противъ

Вѣтлянки (тогда только что заведенная казачья станица). Перебравшись сюда уже съ завѣтною мыслію, намѣстникъ съ своими приближенными положили окончательно—уйти въ Китай и дали между собою присягу; но чтобы планъ ихъ не могъ быть опять открытъ, то никому изъ другихъ владѣльцевъ не объявляли (показанія владѣльца Теке и зайсанга Баяра). Знали только: намѣстникъ, Цебекъ-Дорджи, Бамбаръ, Шеаренгъ, Лама Лозанъ Джальчинъ и зайсангъ Даши-Дондукъ. 15 декабря (по калм. счисл., по русскому 20), отъ намѣстницы Мани-Дере, были посланы на нагорную сторону калмыки, чтобы переводить всѣхъ оставшихся тамъ намѣстниковыхъ людей; а намѣстникъ того же числа отправился къ войску (Д. 1771 г. № 406), сборъ котораго назначенъ въ ухвостьѣ Рынъ-песковъ (гдѣ теперь Киргизская ставка) на ур. Белту (Д. 1772 г. № 397).

Сборъ намѣстникомъ войска, безъ всякой видимой причины, не могъ быть скрытъ, почему Убуши сталъ маскировать задуманный планъ. 26 декабря, онъ увѣдомлялъ Кишенскова (съ которымъ велъ до самаго послѣдняго времени самую дружественную переписку,—Кишенсковъ переѣхалъ только передъ тѣмъ изъ ставки намѣстника на зимовку въ Енотаевскъ), что движеніе его изъ дома и сборъ войска, есть собственно потому, что кайсаки, находясь враждебными Россіи, хотятъ напасть на калмыковъ. Кишенсковъ только въ это время усумнился, что видно изъ письма его отъ 3 января 1771 года; но онъ, всетаки, не понялъ настоящей причины и вдался въ ошибку, такъ какъ, приказомъ отъ того же числа за № 4, находившемуся при намѣстникѣ капитану Дудину, проводилъ ту мысль, что намѣстникъ самъ хочетъ начать ссору съ кайсаками и для того приготовляетъ войска, почему поручалъ капитану, какъ нибудь отговаривать намѣстника и слѣдить: зачѣмъ собирается войско, причемъ послалъ въ помощь ему сотника Набатова съ толмачемъ и 15 казаками (Д. 1776 г. № 11). Но было уже поздно слѣдить.—Приказъ его отданъ наканунѣ возмущенія.

4 января, намѣстникъ, въ сопровожденіи своей партіи, выѣхалъ къ войску и объявилъ: «*не только съ большимъ при-*

скорбіемъ, но и великими слезами, что онъ получилъ повелѣніе отъ Государыни, которымъ повелѣно ему своего сына, также дѣтей пяти знатныхъ владѣльцевъ и ста зайсанговъ, взявъ отправить въ Петербургъ и притомъ изъ калмыцкаго народа набрать 10 т. человѣкъ и отправить въ Россію для опредѣленія въ солдаты [31]), *примолвя притомъ, что онъ, для соблюденія своего закона и охраненія калмыцкаго народа, не находитъ другаго способа, какъ удалиться изъ здѣшней протекціи и просилъ слѣдовать за собою».* (Донесеніе Кишенскова къ находившемуся надъ Оренбургскимъ корпусомъ генералъ-маіору Давыдову 10 февраля за № 210, Д. 1771 г. № 397).

Возмущеніе въ калмыцкомъ народѣ произошло 5 января 1771 года (по калм. счис. 1 января—*Туула-саръ*) и началось нападеніемъ на лагерь капитана Дудина. Кишенсковъ, перейдя на зимовку въ г. Енотаевскъ, оставилъ при намѣстникѣ: капитана Дудина, коммисара Везелева, сотника, пятидесятника, копіиста, толмача и 35 казаковъ. Очевидецъ, дербетевскій Гецуль Габунгъ-Цюрюмъ, ѣздившій для суда къ намѣстнику, показалъ, *что когда онъ вышелъ изъ кибитки секретаря намѣстника Менкоинъ-Джамбо-Гелюнга, то увидалъ, что капитанъ Дудинъ шелъ къ намѣстнику, у котораго въ то время былъ зайсанъ Даши-Дондукъ, но намѣстникъ вышелъ изъ кибитки, сѣлъ на лошадь и куда то уѣхалъ, а капитанъ пошелъ обратно. Когда онъ* (Гецуль) *вернулся въ кибитку Гелюнга, то послѣдній разговаривалъ съ зайсангомъ пушкаремъ, о какомъ то возмущеніи и Гелюнъ сказалъ ему, чтобы онъ поскорѣе убирался и когда онъ* (Гецуль), *приготовилъ свою лошадь, то увидалъ что на лагерь сдѣлано нападеніе, подъ командою зайсанга Санджи-Церена* (Д. 1771 г. № 397). Изъ этого же показанія видно, что въ станѣ намѣстника никто не зналъ о возмущеніи, хотя три дня шли секретные совѣты.

---

[31]) Кишенсковъ дѣйствительно получилъ 12 января (слѣд. послѣ побѣга) изъ Кол. Ин. Дѣлъ на имя намѣстника грамоту о нарядѣ 10 т. войска для будущей кампаніи и чтобы войско было въ готовности къ походу (рапортъ Кишенскова къ Бекетову 25 февраля № 261).

Какой участи подвергся русскій отрядъ, въ дѣлахъ архива подробныхъ указаній не имѣется; но команда, высланная Кишенсковымъ на помощь Дудину, подверглась печальной участи. Не доѣзжая (20 верстъ) до Рынъ-песковъ, они остановились ночевать у зайсанга намѣстникова Мархашки и ночью на нихъ напали калмыки и перерубили. Въ живыхъ остался и успѣлъ скрыться только одинъ Царицынскій казакъ Иванъ Мордиковъ (пользуясь темнотою и суматохою, онъ выползъ изъ кибитки и какъ былъ сильно раненъ, то пробрался ползкомъ).

Вслѣдъ за нападеніемъ на лагерь капитана Дудина, былъ посланъ отрядъ въ 500 человѣкъ на Волгу, взять жену и имущество намѣстника и въ тоже время, были разосланы въ разныя мѣста сильные отряды, чтобы весь народъ поднимался и шелъ къ Уралу, а кто не захочетъ идти, тѣхъ силою гнать. Убуши покочевалъ съ такой поспѣшностью, «*какъ бы на нихъ было нападеніе отъ численнѣйшаго непріятеля, что бросали кибитки, скотъ, малолѣтнихъ дѣтей, а особливо идоловъ*» (донесеніе Кишенскова Давыдову за № 210). Далѣе Кишенсковъ въ письмѣ своемъ пишетъ, «*что здѣсь настояло великое сумнѣніе, по какой причинѣ калмыцкій народъ могъ придти въ такое великое замѣшательство*» и болѣе удивился тому, «*что при столь нечаянномъ случаѣ, не могло послѣдовать общенароднаго замѣшательства*».

Такимъ образомъ, 5 января 1771 года, большая часть калмыковъ, пришельцевъ изъ Азіи, находившихся въ Россіи 140 лѣтъ, оттолкнули ея покровительство и удалились обратно [32]).

---

[32]) Неизвѣстно, почему во многихъ сочиненіяхъ, уходъ калмыковъ показывается 11 января; но въ оффиціальныхъ данныхъ того времени, уходъ прямо обозначенъ 5 января (Д. 1771 г. № 397). Изъ списка, поданнаго намѣстникомъ 25 октября 1767 г. и др. дополнительныхъ свѣдѣній (Д. 1767 г. № 3, 1768 г. № 8, 1771 г. № 20) видно, что калмыковъ всего числилось 42107 киб.; изъ списковъ же, поданныхъ 11 августа 1775 г. (Д. 1774 г. № 21) видно, по уходѣ всего осталось 11198, слѣдоват. ушло въ Китай 30909 киб.; но не слѣдуетъ, кажется, довѣрять первой цифрѣ. Подача списковъ была въ то время, когда зародилась мысль объ уходѣ. Отъ количества кибитокъ, правительство требовало число войска; эркетени (намѣстника) вовсе по спискамъ не показаны. Переходъ зюнгарцевъ въ 1759 г. былъ болѣе 10 т., въ 1767 г. спустя 8 лѣтъ, ихъ показано только 928 киб.; у Замьянга показано всего 279 киб., а послѣ, оказалось однѣхъ уведенныхъ 604; Дербетъ по спи-

Мы не будемъ обвинять простой народъ, который, по данному сигналу и въ виду высланныхъ отрядовъ, вынужденъ былъ собраться, бросая кибитки, худой скотъ, даже малолѣтнихъ дѣтей и больныхъ. Главными зачинщиками—были намѣстникъ ханства и главные изъ владѣльцевъ —и, о послѣднемъ замыслѣ, даже въ станѣ намѣстника никто не зналъ. Возвратившіеся, владѣлецъ Теке и зайсангъ Баяръ (захваченные насильно съ владѣльцами Асархою и Машою: Д. 1771 г. № 397) показали, что весь народъ покочевалъ съ большимъ прискорбіемъ и если бы было русское войско, которое могло нагнать, то народъ бы возвратился; но къ несчастью, этого нельзя было сдѣлать. 9 января, посланъ нарочный къ донскому атаману Ефремову о присылкѣ 5000 казаковъ; но изъ письма Кишенскова къ Царицынскому коменданту Цыплетеву 22 января, видно, что онъ ни откуда не получаетъ войскъ и когда 27 января Волга покрылась льдомъ, то онъ увѣдомлялъ его же, что теперь, ходъ свободный остальнымъ калмыкамъ и если они захотятъ бѣжать, онъ ничего не въ состояніи сдѣлать. Только 13 февраля получено извѣстіе, что съ Дону выслана команда въ 1000 человѣкъ; но возвратившійся изъ Петербурга Бекетовъ, приказалъ уже возвратить ее.

Неоднократно высказывалось мнѣніе, что калмыки на нагорной сторонѣ остались только потому, что въ то время по Волгѣ двинулся ледъ. Это ошибочно. Замьянгъ былъ врагъ Убуши. Другой его родной дядя, Яндыкъ, былъ также въ ссорѣ и доказательство самое ясное, что жена Яндыка была увезена Убушою (Д. 1771 г. № 406). Алексѣй Дондуковъ, какъ уже принялъ христіанство и былъ полковникъ русской службы, то тоже не пошелъ бы и планъ заговора, отъ него болѣе всѣхъ былъ скрываемъ. Волга оказалась препятствіемъ единственно для Дербетъ. Изъ увѣдомленія Царицынскаго коменданта Цыплетева отъ 10 января 1771 года видно, что въ томъ году, ледъ шелъ по Волгѣ три мѣсяца и были постоянно дожди и вѣтра. Въ ночь на 10 января, Волга покрылась льдомъ; но 17

скамъ показано было 3968, а ихъ послѣ было 4575 киб.; наконецъ, всего войска калмыцкаго числилось 70000 и это показываетъ, что все населеніе должно быть болѣе 42 т. кибитокъ.

числа опять разошлась и только 27 числа замерзла. Послѣ этого опять началась оттепель и Кишенсковъ 10 февраля доносилъ, что Волга еще не утвердилась, хотя и начала замерзать. Затѣмъ, какъ бы въ наказаніе бѣглецовъ, начались сильные морозы и мятели. (Д. ар. калм. упр. 1771 г. №№ 6 и 397).

При движеніи калмыковъ въ Китай, впередъ были отправлены съ войскомъ владѣльцы Бамбаръ и Шеаренгъ, «*чтобы они очистили перелазы чрезъ Яикъ и отогнали Яицкихъ казаковъ. Съ боковъ шли остальные владѣльцы, а въ замкѣ Намѣстникъ и Цебекъ-Дорджи въ 20 т.*» (показанія выходцевъ армянина Калусъ Погосова и Тогмутскаго татарина Джалхандара. Д. 1771 г. № № 397 и 406). Бамбаръ съ Шеаренгомъ, съ успѣхомъ исполнили возложенное на нихъ порученіе. Такъ, видно, что они выжгли и разбили по Яику крѣпости: Кулагинскую, Калмыковую, въ Индерскихъ горахъ, Сорочиковую и форпосты: Зеленовскій, Атаманскій, Красный Яръ, Котельный, Харькиновъ и Гребенщиковъ (Д. 1769 г. № 395, 1771 г. № 406). Изъ показанія яицкаго казака Гавріила Чумакова, захваченнаго на Узеняхъ, видно, что Яикъ калмыки переправились 19 января между Калмыковой и Сорочиковской крѣпостей; но это, должно быть, переправилась партія, въ которой былъ Чумаковъ, такъ какъ видно, что 19 января атакованы форпосты: Красный Яръ и Харькиновъ и крѣпость въ Индерскихъ горахъ, а 20 числа Котельный форпостъ и Калмыковая крѣпость. Находившійся при Кулагинской крѣпости старшина и походный атаманъ Иванъ Кулагинъ, 25 января (Д. 1771 г. № 406) доносилъ: «*Калмыцкая Волгская орда переправилась Яикъ, съ низу, по Зеленовскій форпостъ, а съ верху до которыхъ поръ захватили, неизвѣстно. 19 января, многочисленное войско, такъ что и степи не было видно, подъ предводительствомъ Шерстъ Мурзы, ханскаго брата и двухъ Бамбаровыхъ сыновъ, со многими знаменами и значками, во второмъ часу дня, отогнали весь скотъ, а потомъ напали на крѣпость и во весь день шла перестрѣлка изъ пушекъ и ружей, такъ что казаки весь порохъ свой разстрѣляли; при Кулагинской крѣпости и при прочихъ крѣпостяхъ и форпостахъ, бѣжали всѣ крещеные калмыки;*

Зеленовскій форпостъ разбитъ и весь скотъ угнатъ; Гребенщиковъ форпостъ погабленъ и всѣ люди побиты, сожжены и въ погребы брошены». Вообще, окончательною переправою калмыковъ чрезъ Яикъ, можно положить 21 января, такъ какъ 18, 19 и 20 числа видно, что они громили крѣпости и форпосты.

Изъ увѣдомленія Оренбургскаго губернатора Рейнсдорпа отъ 8 февраля за № 268 (Д. № 406) видно, что онъ, получивши увѣдомленіе о бѣгствѣ калмыковъ и о разореніяхъ по Яику форпостовъ, посовѣтовавшись съ командовавшимъ корпусомъ генералъ-маіоромъ Давыдовымъ, послали войско подъ командою полковника Бейерена; изъ Яика же выступилъ противъ калмыковъ старшина и походный атаманъ Митрясовъ съ 1130 человѣками; но какъ онъ, такъ и Бейернъ, не захватили уже главныхъ силъ калмыковъ, возвративъ только отъ Яика владѣльцевъ Асарху и Машу (Харахусы и Ики-Цоохуры), уведенныхъ намѣстникомъ насильно, 300 кибитокъ татаръ и Эркетеневскій улусъ. Рейнсдорпъ обратился къ Нурали хану, чтобы онъ дѣлалъ препятствіе калмыкамъ въ движеніи, а между тѣмъ сообщилъ на сибирскую линію къ генералъ-поручику Шпрингеру, чтобы отрядить войска и возбудить султана средней киргизской орды Аблая.

Астраханскій купецъ Пантелей Квасниковъ, возвратившійся съ своей ватаги, въ Богатомъ култукѣ (въ 80 верстахъ отъ Гурьева городка), 7 февраля (Д. 1771 г. № 401) показалъ, что въ Гурьевѣ носился слухъ, какъ передавалъ ему купецъ оттуда Иванъ Красильниковъ когда калмыки не перебрались еще за Яикъ, что ихъ ожидаютъ тамъ двѣ партіи киргизъ, одна въ 40,000, а другая въ 20,000 [33]). Послѣ, когда онъ ѣхалъ въ Астрахань, то, на ватагѣ Нижегородскаго купца Ивана Кокорева, ему говорили, что слыхали въ степи пушечную пальбу, но гдѣ это было не знаютъ.

[33]) Число это можетъ быть и преувеличено, но справедливо то, что киргизы поджидали калмыковъ. Изъ словъ Нурали хана кн. Урусову (посланному Бекетовымъ съ письмами къ Убушѣ и Дудину) видно, что онъ зналъ о принятомъ намѣреніи, увѣдомлялъ Рейнсдорпа и Яицкаго атамана Танбовцева; но они не повѣрили, ссылаясь, что и въ прошломъ году былъ такой же слухъ, но оказался ложнымъ (Д. 1771 г. № 18).

Путь калмыками былъ избранъ: на Уралъ Эмбу, чрезъ Могульджарскія (могульзурскія, мугальярскія) горы, на Иргизъ, Сары-Торгой и Терсаккани. Этимъ они хотѣли обойти кочевья киргизъ-кайсакъ; но какъ по взятому направленію, впереди ихъ была сибирская линія, то отъ Терсаккани, они круто повернули на юго-востокъ, по направленію озера Балхаша, чрезъ Кецысъ-юйдзыскія степи и Халаторскую землю къ р. Или. Изъ показаній выбѣгавшихъ видно, что до Яика, калмыки шли съ большою поспѣшностію день и ночь, а далѣе только днемъ. 10 апрѣля (переждавъ наступленія весны), находились за р. Иргизомъ въ 25 верстахъ (Д. 1771 г. № 18). Вышедшіе изъ Китая Дамбо-Гелюнгъ и другіе, показали (4 іюня 1773 г.), что до Китая всего шли семь мѣсяцевъ, имѣя каждый день по двѣ кочевки, слѣдовательно, калмыки пришли туда въ августѣ мѣсяцѣ.

До Урала, калмыки не имѣли никакихъ препятствій. Первое несчастіе калмыки встрѣтили въ томъ, что у нихъ началъ падать скотъ отъ снѣговъ, гололедицы и труднаго перехода. Нурали ханъ, два раза отбитый, шелъ по слѣдамъ калмыковъ, захватывая, что было возможно; но вступать въ бой не рѣшался (писалъ, что силъ его не достаетъ), поджидая командированнаго съ сибирской линіи генералъ-маіора фонъ-Траубенберга; но непонятна медленность послѣдняго. Боялся ли онъ зайти въ пустынныя мѣста, гдѣ нельзя было достать никакой провизіи; но не смотря на три посылки Нурали хана и командированнаго Бекетовымъ татарскаго князя Нурадынъ-Урусова, Траубенбергъ только 19 апрѣля выступилъ изъ Орской крѣпости, дѣлая переходы по 25 и 30 верстъ въ сутки, когда весь отрядъ его состоялъ изъ кавалеріи, казачьихъ и башкирскихъ полковъ. 6 мая онъ соединился съ ханомъ у р. Сары-Торгоя, когда Убуши былъ уже далеко. Послѣ шестидневнаго похода, 12 мая, у р. Терсаккани, Траубенбергъ объявилъ Нурали хану, что какъ у него недостаетъ провіанта на войска, то онъ оставляетъ преслѣдованіе — и, не смотря на просьбу Нурали хана дать ему двѣ или три пушки и до 1,000 человѣкъ войска, которыхъ онъ обязывался перевозить и прокармливать на свой счетъ, не смотря на показанія выбѣгавшихъ

калмыковъ, что если бы на нихъ напали русскія войска, то весь народъ возвратится, фонъ-Траубенбергъ отказалъ хану и поворотивъ назадъ, пошелъ къ Оренбургу и этимъ отклонилъ отъ себя славу и благодарность отъ народа, который былъ еще въ силѣ и не дошелъ до того бѣдственнаго положенія. Отсюда возвратился въ Астрахань и Урусовъ, не достигнувъ цѣли.

Повернувъ отъ Терсаккани, калмыки шли спокойно, имѣя позади себя Нурали хана, нападавшаго только на отдѣльныя партіи. Когда у Ушунъ-Кунрада, Нурали соединился съ киргизами средней и частію большой орды, то при р. Ширинъ-Шилике, калмыки въ первый разъ столкнулись съ киргизами (это былъ всякій сбродъ людей, желавшихъ добычи). Хотя дѣло кончилось ни въ чью особенно пользу, а побѣда скорѣе осталась за калмыками, отбившими Аблая; но вмѣстѣ съ тѣмъ и киргизы нанесли калмыкамъ значительный уронъ. При дальнѣйшемъ слѣдованіи, киргизы, не вступая въ открытый бой, частями начали громить калмыковъ, захватывая въ плѣнъ, отбивая вьюки и гурты скота. Въ этихъ степяхъ, калмыки могли окончательно погибнуть, если бы не Аблай, который началъ сноситься съ китайцами и пропустилъ калмыковъ (дальнѣйшаго преслѣдованія Нурали хана, не видно).

Путь, избранный чрезъ песчано-каменистую мѣстность, была непростительная ошибка. Воды и кормовъ не было, люди и скотъ погибали. Когда подошли къ озеру Балхашу, то съ жадностію бросились пить соленую воду—и здѣсь, тысячи померло народа и погибло скота. Этотъ ошибочный путь былъ избранъ въ видахъ, чтобы обойти киргизъ-кайсакъ; но предводители горько ошиблись. Избѣжавъ преслѣдованія Аблая, они вмѣстѣ съ тѣмъ встрѣтили не менѣе опасное, отъ другихъ киргизъ, сдвинувшихъ къ себѣ бурутъ харгасовъ и халаторцевъ. Такъ, отъ Урала до перехода чрезъ р. Или, киргизы громили калмыковъ, передавая одинъ другому дальнѣйшее преслѣдованіе.

Калмыковъ, перешедшихъ р. Или въ китайскія владѣнія, была незначительная часть (по показаніямъ 15 т.). Кибитки были только у намѣстника и у нѣкоторыхъ владѣльцевъ

*

(Д. 1772 г. № 12); остальныя всѣ тяжести побросали дорогою и народъ жилъ въ шалашахъ изъ хвороста. Всѣ сокровища, собранныя въ кучу и препровождавшіяся внутри обозовъ, весь скотъ, разграблены киргизами. Калмыки продавали женъ и дѣтей и мѣняли ихъ за самое незначительное количество провизіи. Китайское правительство, въ виду крайне бѣдственнаго положенія народа, въ которомъ поднялся сильный ропотъ на владѣльцевъ, выдало бязи по два конца на человѣка. По переходѣ, тутъ же было привезено и роздано нѣсколько мѣшковъ муки; потомъ, выдача назначена на 10 человѣкъ въ мѣсяцъ по мѣшку пшена и по барану на каждаго; на другой мѣсяцъ, по мѣшку пшена и по барану на два человѣка — и, подобными дачами, китайцы поддерживали этотъ несчастный народъ, двинувшійся изъ Россіи съ огромными стадами скота. Какъ подобная поддержка не могла долго продолжаться, то китайское правительство приняло свои мѣры: калмыки были разбиты на сотни и, неимѣвшіе рѣшительно ничего, распредѣлены по городамъ для занятія земледѣліемъ, а другимъ указаны мѣста гдѣ кочевать; но къ каждой сотнѣ, приставлено было по семи китайцевъ, для пріученія къ земледѣлію.

Отъ перехода въ Китай, если и выиграли, то одни только владѣльцы, зачинщики заговора. Изъ показаній выходцевъ извѣстно, что отъ китайскаго правительства было прислано въ награжденье: намѣстнику 1000 лошадей, 1000 штукъ чаю и 1000 шелковыхъ матерій; а остальнымъ владѣльцамъ по сотнѣ. Когда калмыки уже установились на новомъ мѣстѣ, то Убуши съ нѣкоторыми владѣльцами, ѣздилъ къ Богдохану, гдѣ они были приняты хорошо и возвратились съ чинами и жалованьемъ на всегдашнее время: намѣстнику 3550 р. (по курсу на русскія деньги—50 эмбю на годъ китайскими серебряными слитками), Цебекъ-Дорджѣ 3250 р. и Ламѣ-Лоузангъ Джальчину 3110 р.; но взамѣнъ этого, въ виду бѣдности калмыковъ, правительство потребовало, чтобы они ничего не собирали съ народа, а оставили ихъ при бывшихъ подвластныхъ, какъ только чиновниковъ для наблюденія, — отъ зайсанговъ же, аймаки были положительно отобраны.

Простой народъ, какъ во время пути, такъ въ китайскихъ

владѣніяхъ, не переставалъ роптать. Ему по неволѣ вспоминались берега Волги, гдѣ онъ блаженствовалъ имѣя достаточное скотоводство, а тутъ пришлось бѣдствовать и непривычными руками рыться въ землѣ (Д. 1774 г. № 19). Съ 1772 года начались побѣги въ кр. Семипалатинскую, Каменногорскую и другія, откуда калмыки препровождались на Волгу. Если бы не строгость китайцевъ, которые казнили пойманныхъ и не трудный переходъ чрезъ кочевья киргизъ, то нѣтъ сомнѣнія, весь народъ двинулся бы въ Россію. Нужно думать, что волненіе въ народѣ долго продолжалось, такъ какъ, не было причины, спустя уже 20 лѣтъ, издавать повелѣніе о поселеніи въ Колыванской губерніи бѣжавшихъ волжскихъ калмыковъ, *«которыхъ китайское правительство отказалось выдать»*.... (Полн. Соб. Зак. т. XXIII № 16937).

О русскихъ, захваченныхъ калмыками, въ дѣлахъ имѣются нѣкоторыя указанія. Капитанъ Дудинъ былъ привезенъ въ Китай. Бѣжалъ ли онъ оттуда, или былъ отпущенъ; но въ 1778 году, онъ былъ въ плѣну у киргизъ средней орды и содержался въ кумратской волости (взятый вмѣстѣ съ нимъ коллежскій коммисаръ Михаилъ Везелевъ, бѣжалъ съ дороги 26 апрѣля отъ ур. Торгой и возвратился въ Астрахань). Бѣжавшіе изъ Китая копіистъ Иванъ Бочкаревъ и казакъ Петръ Халиповъ, попались тоже киргизамъ и послѣдній успѣлъ опять бѣжать и вышелъ на Волгу; дальнѣйшая же судьба Дудина и Бочкарева, неизвѣстна. Кромѣ того вернулись въ Россію: казакъ Ѳедоръ Черкезовъ, пробывшій въ плѣну у киргизъ 9 лѣтъ, и крестьянинъ слободы Николаевки (противъ Камышина) Артемій Позняковъ, пробывшій въ Китаѣ тоже 9 лѣтъ. Изъ калмыковъ же и татаръ возвратилось на Волгу до 30 человѣкъ; остальные всѣ погибли въ киргизскихъ степяхъ, чрезъ которыя былъ путь до сибирской линіи.

Весь ходъ этого событія показываетъ, что простой народъ нельзя обвинять въ измѣнѣ Россіи; но вмѣстѣ съ тѣмъ, на него пала вся тяжесть происковъ владѣльцевъ.—Оставимъ бѣглецовъ и посмотримъ, что дѣлалось у насъ.

Изъ дѣлъ Астраханской губернской канцеляріи видно, что вопросъ о возмущеніи калмыцкаго народа начался 8 января,

а объ уходѣ 10 числа (Д. арх. 1771 г. № 397). 11 января губернская канцелярія сообщила въ разныя мѣста и потребовала: по случаю волненія въ калмыцкомъ народѣ и согласія ихъ съ кайсаками напасть на русскія жилища, о нарядѣ людей съ ружьями, порохомъ и пулями для обороны города и др. важныхъ мѣстъ. Того же числа донесено Сенату *), что намѣстникъ многихъ побиваетъ и ушолъ за Волгу со всѣмъ домомъ (Д. 1881 г. № 401). Велѣно было приготовить суда, чтобы можно было, въ случаѣ необходимости, спуститься въ море. Скотъ окружныхъ жителей, велѣно было подогнать къ Астрахани и въ приморскіе участки. У наряженныхъ людей осматривались каждый день ружья и было приступлено къ устройству баттарей; но когда астраханское начальство такъ заботилось о безопасности своей и города, Убуши былъ уже далеко.

Одновременно съ нападеніемъ на лагерь капитана Дудина, посланы были партіи къ дому намѣстника и въ другія мѣста поднимать народъ—и тутъ начались злодѣйства войскъ. Взявъ намѣстницу и захвативъ находившагося при ней коллежскаго коммисара Везелева, калмыки разграбили бывшій при домѣ намѣстника базаръ и многихъ побили. Сотникъ Вѣтлянинской станицы Гоглазинъ, былъ убитъ въ займищѣ съ нѣсколькими казаками. Все, что попадалось на пути, калмыки убивали, грабили, жгли. Изъ дѣла (1771 г. № 417) видно, что въ пяти мѣстахъ (базаръ при домѣ намѣстника, митинскій, Николаевская слобода, у колонистовъ и красноярскихъ жителей), увезено товара, денегъ и скота на 607,945 р. 25 к.; убито 13, въ плѣнъ взято 102, ранено 32 и безъ вѣсти пропало 8 человѣкъ. Эркетеневскій улусъ, кочевавшій близъ Царицына, разграбивъ базаръ, людей захватили въ плѣнъ,—когда улусъ былъ отбитъ отъ общей массы и вернутъ съ Яика, то взятыхъ на базарѣ лицъ, они всѣхъ умертвили, чтобы чрезъ нихъ не открылся грабежъ (Д. 1771 г. № 397). Красноярскій комендантъ Пироговъ, 8 и 9 января доносилъ, что калмыки грабятъ ватаги и угрожаютъ городу (Д. 1771 г. № 401). Яицкіе казаки, бывшіе на Узеняхъ для лова рыбы, въ числѣ

*) Поэтому вѣроятно уходъ и показывался 11 января.

44 человѣкъ, всѣ побиты и только одинъ изъ нихъ, Гавріилъ Чумаковъ, остался живъ и возвратился (Д. 1769 г. 395).

Вообще, всѣ населенія луговой стороны, по взморью и Волгѣ, объятыя ужасомъ взбунтовавшагося народа, спасали какъ могли себя и имущество. Всѣ находились въ какомъ-то оцѣпенѣніи, *«объятые неожиданностію случая»*. Никто не зналъ, куда двинулись калмыки и всѣ укрывались гдѣ могли, ожидая новыхъ нападеній. Начальство не знало что дѣлать. Пути сообщенія пресѣклись, работы на ватагахъ и промыслахъ пріостановились. Степь, занятая предъ тѣмъ на огромное пространство, представляла опустошительную картину, съ кучами хлама разбросаннаго въ торопяхъ, съ стоящими отдѣльно пустыми кибитками, съ дѣтьми и больными, оставленными зимою на произволъ судьбы, съ блуждающимъ скотомъ.

Честь успокоенія края принадлежитъ единственно губернатору Бекетову. Возвратившись изъ Петербурга, онъ принялъ мѣры для водворенія порядка. Изъ дѣла 1771 г. № 417 видно, что собранный по степи скотъ, весь поступилъ въ уплату разореннымъ жителямъ. Бекетовымъ были проданы семейства и скотъ Эркетеневскихъ зайсанговъ Нохо и Баарынга, предводительствовавшихъ грабежемъ базара у Царицына (сами зайсанги, по наказаніи, были сосланы въ каторжную работу въ Нижній Новгородъ) и вырученная сумма 2620 руб. 30 к., была раздѣлена пропорціонально капиталу каждаго пострадавшаго и пришлось *по деньгѣ на рубль* (слѣдовательно, весь капиталъ пострадавшихъ жителей, простирался болѣе милліона рублей, но и это разсчетъ былъ только о тѣхъ, которые сдѣлали заявленіе и указали хотя приблизительно цифру понесенныхъ убытковъ).

Чтобы обрисовать яснѣе положеніе дѣлъ, давшихъ возможность созрѣть плану, необходимо коснуться одного документа, который разъяснитъ: дѣйствія Кишенскаго и Бекетова и взглядъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. 15 апрѣля 1770 года, Бекетовъ доносилъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ о начавшемся съ 1769 г. въ калмыцкомъ народѣ умыслѣ къ побѣгу. Мнѣніе свое онъ основалъ на слѣдующихъ данныхъ: на неоднократ-

ныхъ заявленіяхъ Замьянга; на происхожденіи калмыковъ изъ сосѣдственныхъ съ Китаемъ мѣстъ, ихъ однозаконіи, удобности сообщенія съ Далай-Ламою; на показаніи пойманныхъ калмыковъ; поворотѣ намѣстника съ Кубани, сборъ всѣхъ калмыковъ съ работъ; попавшемся ему письмѣ Гендѣлѣевой дочери и на нѣсколькихъ письмахъ, полученныхъ переводчикомъ Воронинымъ. Бекетовъ предложилъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ свое мнѣніе: «чтобы намѣстника, Еремпиля, Бамбара, Шеаренга, Цебекъ-Дорджу, Лоузангъ-Джальчина и Даши-Дондука, вытребовавъ въ Астрахань, произвесть строгое слѣдствіе, посредствомъ котораго можетъ открыться истина»; но въ рескриптѣ отъ 3 августа того же года, Бекетовъ получилъ слѣдующій отвѣтъ: «какъ полковникъ Кишенсковъ, сколько ни старался, ни малѣйшихъ признаковъ о умыслѣ къ побѣгу открыть не могъ, то потому не усматривается, ни того опаснаго случая, ниже признавается нужда въ толь строгихъ средствахъ къ удержанію калмыковъ въ Россійскомъ подданствѣ... хотя прежде Дондукъ-Омбо отходилъ на Кубань и получилъ себѣ большія привиллегіи; но то время были самовольства и наконецъ, то было передъ войною съ Портою; но теперь, не можетъ быть, что бы народъ, осыпанный милостями, рѣшился оставить свои привольныя мѣста изъ-за того только, что въ настоящую войну на службу Нашу наряжаются и это противно образу мыслей калмыковъ, такъ какъ воинское упражненіе, для нихъ дѣло вовсе не странное... тѣмъ болѣе, что имъ теперь не куда удалиться: на Кубань—мѣшаетъ близость русскихъ жилищъ и вновь заведенная Моздокская линія; за Яикъ—очевидная отъ киргизъ-кайсакъ опасность. Что же касается до мѣстъ, завоеванныхъ китайцами, то калмыки добивались здѣсь только одной истины... если бы они намѣревались удалиться за Яикъ, то калмыки старались бы сдружиться съ киргизами; но напротивъ, они отогнали значительное число скота и хотя вы признаете это дѣломъ, чтобы обезсилить киргизъ-кайсакъ, но этому трудно повѣрить, такъ какъ у послѣднихъ лошадей и скота множество безконечное»... «что по всѣмъ основаніямъ и потому, что Намѣстникъ и владѣльцы безпрекословно исполняютъ всѣ распоряженія, освобождаетъ

ихъ отъ всякаго сумнѣнія, а напротивъ выходитъ заключеніе, что всѣмъ взведеннымъ на нихъ подозрѣніямъ, причиною пронырство владѣльца Замьянга и соглашеніе съ нимъ переводчика Воронина»; «что вы (Бекетовъ) дозволили калмыку овладѣть собою, давая вѣру, безъ всякой разборчивости, его клеветамъ... Вамъ Замьянгъ въ прошломъ году доносилъ о намѣреніи бѣжать и вамъ показалось вѣроятнымъ потому только, что Намѣстникъ, съ Кумы рѣки, вдругъ оборотился къ Волгѣ, хотя и дошло до него извѣстіе о разрывѣ съ Портою и въ тоже время забиралъ и бывшихъ въ работѣ при ватагахъ калмыкъ; но разъясненія полковника Кишенскова о нуждѣ такого движенія, по безкормицѣ и для приготовленія калмыкъ къ войнѣ, вы не почли достаточнымъ... вы даже запрещаете Намѣстнику съ калмыками переходить и на луговую сторону, не смотря, что существенную въ переходѣ нужду, признавалъ и полковникъ Кишенсковъ», почему предлагалось Бекетову хорошенько вникнуть въ дѣла, а указомъ Кишенскову отъ 3-го же августа, предписывалось, въ случаѣ требованія намѣстника къ переходу на луговую сторону, перепустить его. Нужно предполагать, этотъ рескриптъ вызвалъ поѣздку Бекетова въ Петербургъ, гдѣ въ послѣдствіи оправдались его дѣйствія. Въ бытность его въ Петербургѣ, было получено свѣдѣніе о бѣгствѣ калмыковъ.

Изъ числа захваченныхъ намѣстникомъ и добровольно ушедшихъ съ нимъ, были возвращены съ Яика владѣльцы: Текэ, Асарха́, Маши и Эркетеневскій улусъ. Владѣльцы эти, какъ захваченные намѣстникомъ противъ желанія, добровольно подчинились порядку; — противное вышло изъ Эркетеневскаго улуса. Хотя Эркетени были переведены въ нагорную сторону, но въ нихъ начались волненія, почему главные изъ зайсанговъ, предводительствовавшіе народомъ, были арестованы, а улусъ разбитъ частями по разнымъ мѣстамъ. Эта мѣра уничтожила зло въ Эркетеняхъ; но, вмѣстѣ съ этимъ, началось волненіе, болѣе сильнѣйшее, въ одномъ изъ значительныхъ улусовъ—Дербетевскомъ. Изъ донесенія Бекетова Сенату, 9 іюня 1772 г. (Д. 1771 г. № 414) видно, что онъ ѣздилъ въ Ца-

рицынъ уговаривать Дербетевъ улусъ; но ничего не могъ сдѣлать и возвратился въ Астрахань для исполненія важныхъ дѣлъ. Находившійся въ улусѣ капитанъ Шапкинъ, 16 іюля доносилъ, что улусъ уже открыто бунтуетъ и въ совѣтѣ 13 іюля положено было удалиться за Убушою. Это рѣшеніе было сообщено владѣльцу Цебекъ-Убушѣ, бывшему съ войскомъ подъ Кубанью, который вдругъ оставилъ войска, приказавъ имъ возвращаться, а самъ тутъ же удалился подъ предлогомъ болѣзни.

Духовенство вооружало народъ обѣщаніемъ спасенія за приближеніе къ Далай-Ламѣ. Убуши и Шеаренгъ, изъ Китая сносились съ волжскими калмыками и подговаривали ихъ къ побѣгу. Рейнсдорпъ 24 іюля (Д. 1771 г. № 414, 1772 г. № 1) увѣдомлялъ Бекетова, что *«китайское правительство прислало посла въ 50 человѣкахъ къ султану средней орды Аблаю, чтобы онъ пропустилъ оставшихся калмыковъ»*. Все это заставило Бекетова принять рѣшительныя мѣры. Послѣ многихъ стараній, онъ 5-го апрѣля вытребовалъ въ Царицынъ владѣльца Цебекъ-Убушу и изложивъ ему подробно, на бумагѣ, весь ходъ дѣла, требовалъ, чтобы онъ остался жить въ Царицынѣ, а въ улусъ послалъ управлять родственника своего Цендѣнъ-Дорджи; но Цебекъ-Убуши, въ отвѣтѣ своемъ 8 апрѣля (№ 206), принялъ это за обиду. Чтобы окончательно утвердить спокойствіе въ улусахъ, Бекетовъ просилъ графа Панина, вытребовать, подъ какимъ-нибудь предлогомъ въ Петербургъ, владѣльцевъ: Яндыка, Асарху и Цебекъ-Убушу, почему они, рескриптомъ 18 октября и были вытребованы [34]). Это распоряженіе усилило волненія и безпорядки въ улусахъ, хотя впрочемъ не надолго и Бекетовъ ввѣрилъ Дербетевскій улусъ Цендену-Дорджи. Извѣстіе о смерти Цебекъ-Убуши подняло опять весь народъ. Почти одновременная смерть Асархи и Цебекъ-Убуши, была принята за насильственную и разстройство дошло до такихъ размѣровъ, что поставленный Бекетовымъ приставъ Михаилъ Везелевъ, пользуясь только ночью, успѣлъ скрыться и бѣжалъ въ Астрахань.

[34]) Яндыкъ умеръ 15 декабря, дорогою, на Дону, въ Островской станицѣ, гдѣ и похороненъ. Цебекъ-Убуши и Асарха померли въ Петербургѣ, въ началѣ 1774 года. (Д. 1774 г. №№ 14 и 17).

Когда 17 августа, Пугачевъ занялъ Дубовку, то Ценденъ-Дорджи, съ старшинами и выборными отъ народа, явился къ нему, призналъ его власть (Д. 1774 г. № 2) и получилъ въ жалованье деньги и одежду [35]). Двинувшись обратно, онъ началъ разорять русскія населенія около Царицына,—и калмыки успокоились только, когда Пугачевъ былъ разбитъ Михельсономъ. 5 сентября 1774 г. Ценденъ-Дорджи писалъ Астраханскому губернатору Кречетникову, *«что выдумалъ за способъ ему* (Пугачеву) *передаться, чтобы не разорилъ улусовъ»*.

Дербети остались совершенно безнаказанными за измѣну и за свои злодѣйства. Ценденъ-Дорджи по прежнему остался управителемъ народа, должно быть въ видахъ, что его не кѣмъ было замѣнить; впрочемъ, онъ, сознавъ свою ошибку, имѣвши вѣсъ въ народѣ, вскорѣ прекратилъ всѣ волненія — и безъ него, калмыки навлекли бы на себя еще большее несчастіе.

Правительственный надзоръ.

Измѣна Убуши, была справедливою мѣрою къ уничтоженію калмыцкаго ханства. Рескриптомъ Императрицы Екатерины II, 19 октября 1771 года, пунк. I, *каждый владѣлецъ поставленъ въ независимость отъ другаго.*

Когда неосмотрительное довѣріе Кишенскова дало возможность созрѣть плану, то управленіе калмыками велѣно было принять губернатору Бекетову. Калмыцкая канцелярія была имъ переведена изъ Енотаевска въ Астрахань [36]), и при

---

[35]) Изъ Соляной нижней конторы было отправлено по Волгѣ большое судно, нагруженное казеннымъ имуществомъ (видно, что на немъ было много серебра). Судно это было перехвачено и доставлено въ Саратовъ Пугачеву. Приказавъ умертвить всѣхъ бывшихъ на немъ, кромѣ дочерей бывшаго Саратовскаго воеводы полковника Юнгера, Пугачевъ снялъ съ судна часть серебра, а остальное припечатавъ, приказалъ сплавлять далѣе, поставивъ на немъ ссауломъ Дмитрія Закомлистова съ двухъ-сотною командою. Съ этого судна онъ раздавалъ въ Дубовкѣ жалованье калмыкамъ.

[36]) Изъ описи сдачи Кишенсковымъ калмыцкой канцеляріи (Д. 1771 г., № 23) видно, что въ Енотаевскѣ были зданія, въ крѣпости: домъ для коман-

губернской канцеляріи была открыта экспедиція калмыцкихъ дѣлъ. Порядокъ этого управленія (т. е. въ непосредственномъ надзорѣ губернаторовъ), продолжался до начала нынѣшняго столѣтія, когда явилась личность, вновь заинтересовавшая правительство — дербетевскій Чучей-тайши сынъ Тундата. Раздѣлъ дербетевскаго улуса между нимъ и Габунъ-Шарабомъ, уходъ и обратный переходъ съ Дона калмыковъ, былъ причиною волненій въ Дербетяхъ, почему Нойонъ-Чучей-тайша и лама-Собингъ, были вызваны Императоромъ Павломъ I въ Петербургъ. Чучей, вмѣсто наказанія, котораго нужно было ожидать за произведенные безпорядки, назначенъ *намѣстникомъ* въ калмыцкомъ народѣ и ему пожалованы знаки: знамя, сабля, панцырь и шапка [37]). Возстановленъ на прежнемъ основаніи *заргo* (совѣтъ), для судебнаго разбирательства калмыковъ (П. С. З. т. XXVI № 19,599). Дозволена свобода отправленія духовныхъ обрядовъ калмыковъ (№ 19,600). Данъ указъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ о возстановленіи правъ и преимуществъ, калмыцкому народу присвоенныхъ (№ 20,037). Императоръ Александръ I подтвердилъ всѣ права и преимущества, дарованныя Павломъ I. Назначенный правительствомъ главный приставъ (первый) Макаровъ, смѣненъ, а назначенъ Страховъ (выбранный самымъ Чучеемъ) и подъ его начальствомъ частные пристава.

Вообще, начало нынѣшняго столѣтія замѣчательно тѣмъ, что вопросъ о калмыкахъ былъ сильно поднятъ въ правительствѣ и въ особенности играютъ роль дербетевскіе улусы, вѣроятно, вслѣдствіе личнаго пребыванія Чучея въ Петербургѣ. Съ Чучеемъ какъ бы возвратилась тѣнь ханства. Существовавшее въ Астрахани калмыцкое правленіе закрыто. Съ смертію Чучея въ 1803 году, кончилось значеніе калмыц-

---

дира 2-хъ-этажный деревянный и штабъ-офицерскій о 7-ми окнахъ, при нихъ людскихъ избъ 4, кухни 2, погребовъ 3, амбаровъ 2, выходъ 1, конюшенъ 3 и казармъ 5; на форштатѣ: конюшенъ для строевыхъ лошадей 2, магазинъ для провіанта, амбаръ, госпиталь, кухня, кузница, 5 казармъ для священниковъ, офицеровъ и лекаря, драгунскихъ казармъ 3 и казачьихъ 9.

[37]) Въ какихъ видахъ было назначеніе Чучея намѣстникомъ, въ законѣ нѣтъ никакихъ указаній; но нужно думать, что не намѣстникомъ ханства, которое окончательно уничтожилось уходомъ Убуши.

кихъ предводителей, для которыхъ измѣнялся порядокъ управленія. Главный приставъ въ томъ же году былъ подчиненъ Астраханскому военному губернатору, а въ 1816 году и гражданскому губернатору (т. XXXIII № 26196). Высшее управленіе народомъ, въ 1824 году было взято отъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ и передано въ министерство внутреннихъ дѣлъ; а съ учрежденіемъ въ 1837 году министерства государственныхъ имуществъ, калмыки по ст. 3, пунк. 4, переданы попечительству этого министерства (П. С. З.. т. XII, № 10834).

Начало надзора собственно внутри улусовъ, положено еще въ бытность Волынскаго, когда дворяне, толмачи и другіе чины, въѣзжали въ улусы только по извѣстной командировкѣ. Здѣсь послужила распря владѣльцевъ. Когда Дасангъ и Петръ Тайшинъ, тѣснимые противною стороною, осенью 1725 года были перепущены за линію, на Донъ, то они просили опредѣлить къ нимъ пристава, чтобы онъ разбиралъ дѣла между калмыковъ и казаковъ. Это требованіе подняло вопросъ учредить подобный же надзоръ въ другихъ улусахъ—и, какъ владѣльцы разбились на двѣ партіи, то въ инструкціи поручику Лукѣ Шахматову, велѣно было наблюдать, за находившимися въ нагорной сторонѣ, а наблюденіе за находившимися на луговой сторонѣ, возложено было на маіора Беклемишева, съ тѣмъ, чтобы онъ находился при намѣстникѣ — и это, впослѣдствіи, обформлено указомъ Императрицы Екатерины I отъ 28 марта 1726 года. Чтобы защитить намѣстника въ продолжавшейся распрѣ, при Беклемишевѣ, по указу 13 октября того же года, положена была команда изъ 200 пѣшихъ и 200 конныхъ съ ружьями и 2 пушками.

Со вступленіемъ Дондукъ-Омбо въ управленіе народомъ, надзоръ, естественно, не могъ уже продолжаться, когда правительство въ болѣе важныхъ вопросахъ уступило ему, почему опять стали употребляться въ командировку городскіе дворяне.

Съ уходомъ Убуши, первымъ дѣломъ Бекетова было установить надзоръ внутри улусовъ, къ чему побуждало продолжавшееся въ народѣ волненіе; но надзоръ этотъ можно назвать лично губернаторскимъ, чрезъ довѣренныхъ лицъ, такъ какъ эта мѣра не была указана высшею властію, штата для

приставовъ никакого не было (получали ли они жалованье и откуда, неизвѣстно); пристава были не по всѣмъ улусамъ, а гдѣ Бекетовъ считалъ необходимымъ усилить надзоръ; обформленныхъ названій въ отношеніи къ улусамъ, они не имѣли и вообще, были лица разныхъ сословій, которымъ губернаторъ ввѣрялъ надзоръ. Когда въ 1801 году былъ учрежденъ при намѣстникѣ главный приставъ, то по улусамъ назначены частные пристава—и для лицъ этихъ, въ 1802 году, изданъ первый штатъ (П. С. Зак. № 20180). При переименованіи въ 1836 году главнаго пристава въ главнаго попечителя калмыцкаго народа, частные пристава также переименованы въ улусныхъ попечителей и этотъ порядокъ продолжается до настоящаго времени.

Ханская власть и судъ надъ народомъ.

Монгольскія племена съ древнѣйшихъ временъ управлялись на началахъ патріархальности. Простота нравовъ и благосостояніе народа дѣлали то, что преступленій, которыя въ наше время имѣютъ юридическое значеніе, т. е. какъ зло, должно быть искореняемо закономъ, почти не было; если же и были случаи, то они въ народахъ не имѣли того значенія, которое имъ теперь придано и поэтому, не вызывалось необходимости дѣлать для нихъ особыя установленія. Это доказываетъ буддизмъ, развившійся именно въ эти времена, по установленію котораго, воровство не составляетъ грѣха [38]). Преданія и обычаи, вытекавшіе единственно изъ быта народа, указываютъ иногда смѣшныя наказанія за довольно важныя преступленія по нашему времени; о другихъ же, болѣе или менѣе важныхъ въ наше время, ничего не упоминаютъ.

Какое управленіе было во время Хö-Орлюка и Шукуръ-

[38]) Этотъ взглядъ на кражу, подтвержденъ нашимъ правительствомъ уже въ нынѣшнемъ столѣтіи. Такъ, по §§ 35 и 37 Положенія о калмыцкомъ народѣ 1825 г. (П. С. З. т. XL № 30290), кража до 3-хъ разъ, не составляла уголовнаго преступленія, а велѣно было рѣшать на основаніи древнихъ калмыцкихъ правилъ и постановленій гражданскихъ.

Дайчина, свѣдѣній не имѣется; но во время Аюки хана, судъ надъ народомъ принадлежалъ исключительно ему и онъ поставлялъ отъ себя въ городахъ и другихъ пунктахъ, особыхъ *бодокчеевъ*, которые и судили калмыковъ по всѣмъ родамъ преступленій съ русскими. Въ дѣлахъ болѣе важныхъ, въ неправильно разобранныхъ бодокчеями, а равно внутри улусовъ и между калмыками, судилъ самъ ханъ; но тутъ власть ханская стала перепутываться съ русскими учрежденіями, такъ какъ, правительство, при всякомъ случаѣ, старалось по немногу вводить въ народъ свои распоряженія.

Приведемъ нѣсколько данныхъ, по двумъ родамъ преступленій: убійству и воровству, которые чаще другихъ встрѣчались въ столкновеніяхъ калмыковъ съ русскимъ населеніемъ.

Еще при жизни Аюки хана, когда онъ относился къ Россіи большею частію по договорнымъ статьямъ, сынъ его Чакдор-Джабъ предложилъ, что за убитыхъ русскихъ и калмыковъ, хорошо бы по общему совѣту положить пени, а не казнить (Д. 1713 г. № 8). Когда именно узаконено это предложеніе, покуда еще неизвѣстно; но было положено общее правило для русскихъ и калмыковъ, что за убійство *хорошаго* человѣка платили по 100 и за *подлаго* по 50 рублей. Въ этомъ случаѣ, естественно, терпѣло болѣе русское населеніе отъ полудикой кочующей орды, въ которой иногда нельзя было даже открыть убійцъ. Этотъ порядокъ уплаты продолжался до 1754 года, когда былъ убитъ сержантъ Митрохинъ и съ нимъ еще пять человѣкъ. Намѣстникъ предложилъ за Митрохина 100 рублей и по 50-ти за остальныхъ; но въ правительствѣ поднялся уже другой вопросъ. Канцлеръ графъ Бестужевъ-Рюминъ, 7 сентября 1755 г. (Д. 1754 г. № 7), увѣдомилъ Дондокъ-Дашу, что плата за убитыхъ прекращается, а полагается наказаніе и ссылка на казенныя работы. Почти вмѣстѣ съ этимъ, по указу Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, 9 января того же 1755 г. за № 9 (Д. 1754 г. № 7), калмыковъ, за воровство, велѣно пытать по силѣ Соборнаго Уложенія 21 гл. 23 пунк. и въ чемъ повинятся, то взыскивать [39]). По смерти

[39]) По Соборному Уложенію 21 гл. 9 пунк. пойманнаго въ воровствѣ

Аюка хана, когда правительство взяло себѣ право назначенія хановъ, то мы видимъ начало вмѣшательства его и въ сужденіе проступковъ калмыковъ. Такъ, изъ протокола полковника Беклемишева 29 іюля 1731 года (Д. 1731 г. № 49) видно, что по выслушаніи имъ дѣла изъ пыточныхъ рѣчей приводимыхъ калмыковъ, онъ заключилъ: *по силѣ Соборнаго Уложенія 21 главы 9 пунк. и присланнаго изъ Астраханской губернской канцеляріи указу, онымъ калмыкамъ учинить наказаніе бить кнутомъ и урѣзать по лѣвому уху и отослать на калмыцкій торгъ* (въ луговой сторонѣ противъ Саратова) *и отдать калмыцкимъ судьямъ отъ хана.* Эти калмыки счастливо отдѣлались. 7 октября того же 1731 г. (Д 1736 г. № 50), послѣдовалъ указъ изъ Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ объ удержаніи калмыковъ отъ грабежей и воровства — и, *тѣхъ изъ нихъ, кои пойманы будутъ на воровствѣ, казнить чрезъ повѣшаніе* — и дѣйствительно, калмыки, пойманные въ этомъ преступленіи, были вѣшаемы, *«чтобы чрезъ это былъ покой обывателямъ и безопасность»* (Д. 1733 г. № 64). Только 30 лѣтъ спустя, это строгое наказаніе было смягчено—и за воровство, хотя въ первый разъ, велѣно было ссылать въ каторгу (указъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ 20 ноября 1762 года и 10 мая 1763 г. № 1).

Какъ калмыки имѣли постоянныя столкновенія съ русскимъ населеніемъ, то въ дѣлахъ выходила путанность. Правительство въ нѣкоторыхъ преступленіяхъ, успѣло подчинить калмыковъ подъ государственныя узаконенія; но въ общемъ, этого было нельзя требовать, покуда не была уничтожена власть хановъ. За проступки калмыковъ судилъ ханъ и очень естественно, что русскіе большею частію не получали вознагражденій. Здѣсь нельзя винить хановъ въ понаровкѣ калмыкамъ, такъ какъ судъ ихъ былъ строже узаконеній русскихъ за тѣ же преступленія. Тутъ была та причина, что правила монгольскаго Уложенія, были изданы въ Азіи и не могли безусловно подходить къ народу, жившему среди русскаго насе-

велѣно пытать *и въ другихъ татьбахъ и убивствахъ.* Водили въ застѣнокъ и пытка состояла: поднимали на виску (въ другихъ мѣстахъ употребляется дыба), сѣкли, жгли, клещили (Д. 1734 г. № 78).

ленія. Осѣдлое населеніе не могло удовлетворяться рѣшеніемъ, на основаніи правилъ, изданныхъ для народовъ азіатскихъ, кочующихъ. Съ другой стороны, калмыки не принимали рѣшеній на основаніи однихъ только русскихъ узаконеній, тоже не подходившихъ къ ихъ положенію. (Дондукъ-Омбо, отправляясь въ походъ, 19 декабря 1737 года прислалъ въ Астрахань Цой-Рашу судить калмыковъ и писалъ, что *«русскаго обиднаго суда, мы слушать не будемъ»* Д. 1737 г. № 108).

Вообще, хотя потребность новаго законодательства для Россіи, стала чувствоваться со времени Петра I; но періодъ до царствованія Екатерины II, правильно названъ *казуистическимъ*. Только случай вызывалъ законодательную мѣру и напротивъ, каждый разнородный случай, требовалъ особаго распоряженія. Въ разбираемомъ нами вопросѣ о калмыкахъ, мы видимъ, что прежнее распоряженіе забывалось и выступало новое; одинъ указъ измѣнялъ другой; распоряженія правительства путались съ вѣковымъ азіатскимъ убѣжденіемъ — и дѣла дошли до того, что одновременно: за убійство платили, а за кражу вѣшали (въ первомъ случаѣ было преобладаніе ханской власти, во второмъ, узаконеній правительства).

Необходимость требовала издать правила, которыя бы обоюдно подходили къ современному положенію калмыковъ и русскихъ—и это первый замѣтилъ Дондукъ-Омбо. Вступая въ управленіе народомъ, онъ поднялъ объ этомъ вопросъ (Д. 1736 г. № 91). По требованію правительства, онъ 8 октября 1736 г. отправилъ въ Петербургъ полное калмыцкое уложеніе. Послѣ Дондукъ-Омбы, эту же просьбу повторилъ и Дондукъ-Даши. Грамотою 31 августа 1742 г. пун. 4 (Д. 1742 г. № 175) губернатору Татищеву велѣно было *«составить право для суда между калмыкъ и русскихъ, какъ просили Дондукъ-Омбо и Дондукъ-Даши, принявъ при составленіи за правило по двумъ главнымъ случаямъ, что за убійство, постановить по русскому праву* (такъ какъ за это было положенъ штрафъ), *а за кражу, штрафъ и наказаніе»* (слѣдовательно отмѣнить смертную казнь). Рескриптомъ Императрицы Елисаветы Петровны 14 января 1744 года пун. 2 (Д. 1744 г. № 210) Татищеву повторено о составленіи этого пра-

ва; но онъ ничего не сдѣлалъ. Сочиненіе было возложено на преемника его, Брылкина; но тотъ уклонился по своей болѣзни, прося возложить исполненіе на бывшаго при калмыцкихъ дѣлахъ полковника Спицына (Д. 1751 г. № 5). При вступленіи Дондокъ-Даши, грамотою 31 августа 1742 года пун. 7 велѣно *«судъ чинить по древнимъ правамъ и обычаямъ, какъ было при Аюкѣ, а въ остальныхъ дѣлахъ, сноситься и соглашаться съ остальными владѣльцами и съ губернаторомъ»*. (Д. 1742 г. № 175).

На основаніи древнихъ калмыцкихъ правъ, при каждомъ ханѣ, по его собственному выбору, находился зарго (*Найминъ Зарго*, судъ, изъ 8-ми совѣтниковъ, *найминъ—восемь*),—подобный зарго былъ и при послѣднемъ ханѣ Дондукъ-Дашѣ; но когда послѣ его смерти, сынъ его Убуши подтвержденъ въ званіи намѣстника ханства, то зарго былъ уже при немъ узаконенъ (Д. 1763 г. № 4, 1765 г. № 1), съ тѣмъ, чтобы выборъ судей былъ не отъ одного намѣстника, но отъ всѣхъ владѣльцевъ и дѣла рѣшались по большинству голосовъ, вслѣдствіе чего, зарго придано и названіе *«международнаго правительства»* (собственное выраженіе грамоты). Со всѣми дѣлами велѣно было обращаться въ зарго, а кто изъ владѣльцевъ будетъ недоволенъ рѣшеніемъ, то можетъ жаловаться Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Хотя въ учрежденіи «международнаго правительства» нельзя не видѣть цѣли ослабленія ханской власти, такъ какъ выборъ судей назначенъ отъ всѣхъ владѣльцевъ; но несмотря на это предназначеніе, вдругъ нельзя было ослабить власть, вѣка вліявшую на народъ—и учрежденіе это, имѣло самую слабую тѣнь, гдѣ слово намѣстника покрывало голоса представителей другихъ владѣльцевъ.—На формальную жалобу Замьянга (на неправильное рѣшеніе), губернаторъ Бекетовъ 9 декабря 1769 года отозвался, *что онъ* (намѣстникъ) *предопредѣляетъ въ народѣ, зависящемъ въ его власти и мнѣ вступаться никакого права нѣтъ»* (Д. 1770 г. № 397).

Съ уходомъ Убуши, навсегда уничтожилось въ Россіи калмыцкое ханство и первымъ дѣломъ къ уничтоженію его было то, что рескриптомъ Екатерины II, 19 октября 1771 г.

пун. 1, *каждый владѣлецъ поставленъ въ независимость отъ другаго.* На долю владѣльцевъ выпала собственно хозяйственная часть ихъ подвластныхъ и разборъ частныхъ дѣлъ внутри улуса; судебная же часть сосредоточилась въ зарго изъ представителей народныхъ (трехъ, отъ трѣхъ главныхъ поколѣній: Торгоутова, Дербетева и Хошутова); но это юридическое учрежденіе, хотя контролировалось уже [40]), основано было на тѣхъ же самыхъ древнихъ правахъ и обычаяхъ народа. Дальнѣйшее же время спутало все. Въ 1786 году, судъ зарго закрытъ, но не законодательнымъ путемъ, а по распоряженію генералъ-губернатора П. С. Потемкина, который сначала, при открытіи Кавказскаго Намѣстничества, приказалъ дѣла о калмыкахъ передать въ уѣздные суды, по принадлежности улусовъ, а послѣ, находя, что калмыки военные люди, приказалъ открыть *калмыцкую войсковую канцелярію* и самъ назначилъ туда членовъ: одного русскаго, 3-хъ владѣльцевъ и 3-хъ зайсанговъ (Д. 1787 г. № 28). Смѣнившій Потемкина, статскій совѣтникъ Алексѣевъ, не найдя калмыковъ военными людьми, приказалъ уничтожить слово *«войсковая»* и перевелъ канцелярію изъ Астрахани въ Енотаевскъ. Смѣнившій его, генералъ-маіоръ Брянчаниновъ, въ 1790 году перевелъ канцелярію обратно въ Астрахань. Только въ 1797 году, открыто наконецъ, по Высочайшему повелѣнію, Калмыцкое Правленіе; но штатовъ, какъ для канцелярій, такъ и Правленія, уже обформленнаго, никакихъ не было.

Вся эта путанность была отъ того, что не было указываемо никакихъ правилъ. Высочайшее повелѣніе указывало учрежденіе въ народѣ суда зарго (въ 1771 году) и Калмыцкаго Правленія (въ 1797 г.); но никто не заботился указать кругъ ихъ дѣйствій—и приставъ въ каждомъ улусѣ, былъ и слѣдователь и судья—и могъ, въ случаѣ нужды не принимать ни того, ни другаго. Съ возведеніемъ Чучея въ намѣстники, было уничтожено Правленіе, а по прежнему открытъ судъ зарго изъ восьми представителей народныхъ.

---

[40]) Бекетовъ, отправляясь для усмиренія Дербетевскаго улуса, далъ 10 іюня 1772 г. (Д. 1772 г. № 414), судьямъ приказъ, чтобы они, чего не могутъ рѣшить, представляли бы ему.

Только съ 1821 года поднялся вопросъ о судѣ въ народѣ и затѣмъ начался рядъ преобразованій. Въ этомъ году, дана была главному приставу Каханову инструкція и при оной было приложено древнее калмыцкое уложеніе, съ тѣмъ, чтобы послѣднее было свѣрено чрезъ владѣльцевъ, ламъ и другимъ почетныхъ лицъ, дополнено и потомъ внесено въ министерство. Здѣсь было двѣ цѣли: 1) чтобы свѣрить уложеніе, за полноту и правильность котораго правительство не ручалось, и слѣдовательно не могло принять его за неоспоримое право калмыцкаго законодательства и 2) чтобы уложеніе это примѣнить къ современному быту народа. Первое было въ слѣдующемъ 1822 году исполнено съѣздомъ владѣльцевъ и ламъ въ Зинзиляхъ, гдѣ уложеніе свѣрено и дополнено; но послѣдняго правительство не скоро добилось. Какъ судъ въ народѣ, представлялъ полнѣйшій хаосъ, то въ 1825 году, изданы Правила для управленія народомъ, причемъ въ третій разъ узаконенъ зарго изъ 8 членовъ, по выбору отъ народа [41]). Особенность изданныхъ правилъ въ разбираемомъ нами вопросѣ, заключается въ томъ, что калмыки, по преступленіямъ уголовнымъ, судились въ общихъ присутственныхъ мѣстахъ, по основнымъ государственнымъ установленіямъ (§ 36); судъ же зарго для всѣхъ другихъ родовъ дѣлъ.

Правила 1825 года, были изданы, чтобы положить только начало. На Коммисію калмыцкихъ дѣлъ было возложено: а) «*разсмотрѣть и исправить древнее законоположеніе калмыковъ, по предварительномъ совѣщаніи владѣльцевъ съ лучшимъ духовенствомъ, приспособить оное, поколику возможность дозволитъ, къ общимъ правиламъ, дополняя недостатокъ или неудобства изъ законовъ Россійскихъ* и проч.».

Коммисія въ 1827 году приступила къ исполненію, чему главнѣйше побудилъ пріѣздъ въ Астрахань сенатора Энгеля,

---

[41]) При восшествіи на престолъ Императора Николая I, калмыцкому народу дана грамота, подтверждающая древнія ихъ права и преимущества «*о имѣніи ему для судопроизводства совѣта, именуемаго зарго*», которому и пожалована золотая печать (Пол. Соб. Зак., т. III, № 1976). Печать, по уничтоженіи зарго, въ 1858 году отослана въ министерство, для храненія въ государственномъ древнехранилищѣ.

которому, въ числѣ данныхъ порученій въ именномъ указѣ на имя его, 22 августа, изображено: «*равной важности обстоятельство относительно калмыковъ, есть изданіе для нихъ учрежденія, основаннаго на ихъ древнихъ обычаяхъ и приличнаго настоящему ихъ положенію, — вы имѣете объясниться по сему предмету съ Коммисіею, а потомъ и съ калмыцкими главнѣйшими владѣльцами и ламами и по отобраніи о томъ мнѣнія мѣстнаго начальства, сообразите все сіе и о вашемъ заключеніи, Мнѣ донести въ свое время*». Коммисія въ ноябрѣ мѣсяцѣ того же года, окончила свои засѣданія и 15 числа за № 286 представила Энгелю, по возможности исправленное калмыцкое уложеніе, гдѣ сохраняя главное правило, т. е., чтобы учрежденіе было основано на древнихъ обычаяхъ народа и приличное настоящему ихъ положенію, указала слѣдующія уваженія: а) «изъ уложенія и изъ Зинзилинскихъ мнѣній, измѣнено только то, что не соотвѣтствуетъ уже теперешнему положенію калмыковъ, напримѣръ: строгое по внутреннимъ поступкамъ наказаніе, воинскія учрежденія, преступленія уголовныя, относя сіе къ общимъ Россійскимъ узаконеніямъ». Мнѣнія эти, исправленныя и дополненныя, вызвали въ 1834 году изданіе перваго Положенія, гдѣ судъ зарго преобразованъ и въ немъ были предсѣдатель и совѣтники уже изъ русскихъ. Это была вторая инстанція суда; по улусамъ же, остались—улусные суды, установленные Правилами 1825 года (указомъ сената 16 іюля 1837 г. Полн. Соб. Зак. т. XII, № 10461, установлены правила, о порядкѣ переноса дѣлъ изъ улусныхъ судовъ въ судъ зарго, а изъ сего въ сенатъ). Послѣ изданія въ 1847 году новаго Положенія объ управленіи калмыцкимъ народомъ, въ 1849 году судъ зарго закрытъ (Полн. Соб. Зак., т. XXIV, № 22896), а дѣла переданы въ Астраханскую палату уголовнаго и гражданскаго суда; улусные же суды переименованы, по Положенію, въ улусные зарго.

Особенность суда зарго, учрежденнаго по Положенію 1834 года, заключается въ томъ, что гдѣ уже засѣдали русскіе чиновники, проступки калмыковъ велѣно судить на основаніи ихъ древняго законоположенія и только за недостаткомъ и

неполнотою ихъ, русскими основными законами (впрочемъ, нужно сказать, что судомъ зарго, калмыцкое уложеніе никогда не подводилось).

Приступая къ разбору о междоусобіи въ калмыкахъ, мы увидимъ, какимъ бѣдствіямъ подвергался народъ, благодаря происканъ владѣльцевъ ихъ и посредничеству губернатора А. П. Волынскаго.

Мы видѣли, что Аюка-ханъ, за военныя заслуги старшаго своего сына Чакдор-Джаба, при жизни своей, передалъ ему ханскую печать (право на ханство), отдѣливъ ему, кромѣ того, наслѣдственную часть кибитокъ. Рокъ судилъ иначе,—Чакдор-Джабъ померъ двумя годами ранѣе отца. Чакдор-Джабъ, въ свою очередь, отдѣлилъ изъ подвластныхъ, части своимъ шести сыновьямъ: Дасангу, Бату, Баксадай-Дорджи, Дондокъ-Даши, Данджинъ-Дорджи и Нитаръ-Дорджи; прочіе же сыновья не были отдѣлены и жили вмѣстѣ съ нимъ. Помирая, Чакдор-Джабъ велѣлъ всѣмъ своимъ сыновьямъ быть въ послушаніи Дасанга, какъ старшаго брата, которому и передалъ ханскую печать. Неполный раздѣлъ подвластныхъ, былъ началомъ распри. Дондокъ-Даши первый отдѣлился отъ братьевъ и потребовалъ выдачи своей части (къ нему впослѣдствіи присоединились Бату и Данджинъ-Дорджи). Дасангъ, пользуясь завѣщаніемъ отца, положительно отказалъ Дондокъ-Дашѣ: «что если онъ хочетъ жить съ братьями, то можетъ пользоваться своею частію; въ противномъ случаѣ не получитъ ничего, какъ противъ завѣщанія отца». Отказъ Дасанга, заставилъ Дондокъ-Дашу прибѣгнуть къ защитѣ дѣда. Аюка-ханъ, будучи недоволенъ, что Чакдор-Джабъ, помимо его воли, передалъ Дасангу право на ханство и намѣреваясь право это передать сыну отъ послѣдней жены (Дармы-Балы) Церенъ-Дондуку, вступился за внучатъ и потребовалъ отъ Дасанга возвратить части, имъ принадлежащія. Аюка старался уговорить Дасанга, требовалъ его къ себѣ для раздѣла и примиренія съ братьями; но Дасангъ не слушался дѣда — и, послѣдній поступокъ Дасанга, вывелъ Аюку изъ терпѣнія — Дасангъ, уговоренный Во-

лынскимъ ѣхать къ дѣду, взялъ съ собою нѣсколько тысячъ войска, выстроился предъ кибиткою дѣда и самъ даже не слѣзъ съ лошади, что, по обычаю народа, составляло величайшій проступокъ. Аюка велѣлъ отпустить людей, потому, что «къ дѣду на судъ такъ нельзя ѣздить»; но Дасангъ и тутъ не послушался—и, Аюка приказалъ собрать войска. Дасангъ обратился за помощью къ другу своему, губернатору Артемію Петровичу Волынскому и тотъ вступился за него [42]). Волынскій писалъ хану, что онъ допускаетъ и не унимаетъ распри Дасанга и его братьевъ; но Аюка сталъ маскировать дѣло и отвѣчалъ, что внучата его не слушаются и противъ его воли начали войну. Когда Дондукъ-Омбо, въ соединеніи съ Дондокъ-Даши и Церенъ-Дондукомъ сталъ тѣснить Дасанга, то по просьбѣ послѣдняго, Волынскій отправилъ 20 ноября въ г. Красный Яръ, съ капитаномъ Брюссомъ 200 солдатъ, 50 драгунъ и 100 казаковъ, а 24 числа самъ пріѣхалъ на ур. Берекете, гдѣ, съ утра, происходило уже сраженіе (Д. арх. 1723 г. № 23). Дондукъ-Омбо отдалъ приказъ войскамъ остановиться, когда подъѣзжалъ Волынскій; но когда послѣдній, съ войскомъ своимъ присоединился къ Дасангу и послалъ сказать Дондукъ-Омбѣ, что пріѣхалъ для примиренія ихъ, то войска не допустили посланныхъ, стрѣляли по нихъ, а Дасанговыхъ людей всѣхъ изрубили. Пойманный калмыкъ изъ отряда Дондукъ-Омбы, подъ пыткою показалъ, что Дондукъ-Омбо хочетъ воевать губернатора и Дасанга и для того собралъ 10,000 войска, а 10,000 послалъ въ обходъ, къ улусамъ Дасанга. Видя, что дѣло принимаетъ серьозный оборотъ, Волынскій приказалъ прапорщику князю Уракову, въ ту же ночь переправить въ г. Красный Яръ женъ Дасанга, Баксадай-Дорджи, Нитаръ-Дорджи, другихъ знатныхъ лицъ и 2,000 кибитокъ калмыковъ, куда и самъ двинулся. Во время движенія къ городу, явился отъ Дондукъ-Омбы посланный съ вопросомъ о цѣли пріѣзда. Волынскій ничего не отвѣчалъ посланному и

[42]) Между Волынскимъ и Дасангомъ была какая то особенная дружба, что мы увидимъ изъ послѣдующаго. Въ «Древней и Новой Россіи», за 1877 г. печаталась довольно подробная статья объ А. П. Волынскомъ,—добавленіемъ къ ней будетъ настоящій обзоръ.

продолжалъ дальнѣйшій путь; но не доходя верстъ 15 до устья Берекеты, онъ встрѣтилъ Дондукъ-Омбу, совершенно готоваго къ бою. Волынскій вынужденъ былъ начать переговоры—и 3 декабря вернулся въ Астрахань. Присутствіе Волынскаго должно быть стѣсняло Дондукъ-Омбу, такъ какъ, по отъѣздѣ перваго, онъ положительно разбилъ Дасанга и отнялъ всѣ его улулы (самъ Дасангъ скрылся въ Астрахань).

Вскорѣ Аюка-ханъ померъ, а ссора между владѣльцами приняла совершенно иной оборотъ. Разбивъ Дасанга, главнаго претендента на ханство, Дондукъ-Омбѣ не было основаній продолжать съ нимъ ссору, когда явился новый врагъ — Церенъ-Дондукъ, назначенный Аюкою и русскимъ правительствомъ намѣстникомъ ханства. Не выступая открыто противъ дяди, Дондукъ-Омбо отошелъ на второй планъ и это поправило дѣла Дасанга. Волынскій началъ принимать мѣры, возвратить Дасангу улусы, о чемъ онъ постоянно и настоятельно писалъ Церенъ-Дондуку, а при объявленіи послѣдняго намѣстникомъ, положилъ непремѣннымъ условіемъ—возвращеніе Дасангу подвластныхъ. Какъ для охраны, Дасангъ былъ впущенъ въ *линію* [43]), то Волынскій самъ пріѣхалъ въ Царицынъ, вытребовалъ туда же Церенъ-Дондука и не уѣзжалъ безъ того, пока при немъ не начнется отдача Дасангу подвластныхъ. Дасангъ, получившій большую часть своихъ подвластныхъ и братьевъ Баксадая и Нитара, изъ скота ничего не получалъ и противная партія, ни за что не соглашалась возвратить таковой, отзываясь тѣмъ, что «улусы Дасангъ имѣлъ право получить; но скотъ, по закону войны, составляетъ добычу побѣдителя и что скотъ, хотя желали бы возвратить; но онъ разобранъ по рукамъ и уничтоженъ, а возвращать изъ собственности, не есть право побѣдителя» [44]). Дасангъ, соединившись

[43]) Линія шла отъ Царицына къ Паньшину (Качалину). Между Волгою и Дономъ былъ глубокій ровъ (видѣнъ въ настоящее время). Линія была устроена Петромъ I для защиты русскихъ поселеній отъ набѣговъ горцевъ и содержалась регулярными войсками.

[44]) Примиреніе между братьями, задержало слѣдующее обстоятельство: Дасангъ, желая придать себѣ силы въ борьбѣ съ братьями, рѣшился отправить въ Петербургъ, къ Императору, брата Баксадая. Противная партія хотѣла возвратить всѣ улусы, только бы онъ не посылалъ; но Дасангъ все-таки от-

съ зятьями своими Хошутъ-Дондукомъ и Лебкеемъ, 24 февраля 1725 г. разбилъ братьевъ и отнялъ всѣ ихъ улусы. Слѣдствіемъ этого было, что намѣстникъ, ханьша Дарма-Бала, Дорджи Назаровъ, Шакуръ-лама и даже Дондукъ-Омбо, вступились за обиженныхъ; но Дасанга укрылъ Волынскій, переведя его въ линію.

Въ волненіяхъ, въ передвиженіи войскъ, прошелъ цѣлый годъ, въ каковое время дѣла Дасанга измѣнились и Волынскій обратился противъ него, чему причиною былъ Нитаръ-Дорджи, хотѣвшій убить Волынскаго за укрытіе Петра Тайшина, принявшаго сторону обиженныхъ братьевъ [45]). Волынскій, видѣвшій надъ собою опасность отъ Нитара-Дорджи, отправилъ противъ него отрядъ подъ командою подполковника Заезерскаго, опубликовавъ при этомъ, что если кто выдастъ ему Нитара живаго, тому награды 500 руб., а за мертваго 300 рублей и отправилъ къ Нитару съ зайсангомъ Омбою пять ведеръ водки и шесть ведеръ виноградnаго вина, переваренnаго съ водкою и велѣлъ напоить всѣхъ, а на другой день получено извѣстіе, что Нитаръ разбитъ Заезерскимъ и у него убито 100 человѣкъ, взято 61, а остальные и въ томъ числѣ Нитаръ-Дорджи бѣжали. Волынскій самъ отправился на мѣсто разбитія, откуда послалъ отрядъ казаковъ, подъ командою атамана Поздѣева, преслѣдовать Нитара.

Распря между владѣльцами дошла до того, что 18 іюля Волынскій получилъ указъ изъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, какъ можно стараться о примиреніи и въ случаѣ уже невозможности, принять ту сторону, отъ которой будетъ болѣе пользы россійскому государству. Волынскій потребовалъ къ себѣ Дасанга и Церенъ-Дондука съ его партіею, для примиренія; но при этомъ пересталъ держать сторону перваго—и, когда, 13 августа, Церенъ-Дондукъ, Дондокъ-Даши и др. прибыли въ Дмитріевскъ (Камышинъ), то Волынскій прямо пред-

---

правилъ брата, откуда онъ возвратился уже крестникомъ Петра I и названъ—Петръ Тайшинъ.

[45]) Нитаръ-Дорджи самый отчаянный изъ дѣтей Чакдор-Джаба. Изъ дѣлъ видно, что не проходило ни одного дня, чтобы онъ не убивалъ кого нибудь—человѣка, лошадь, корову—что первое подвертывалось подъ руку.

ложилъ имъ, *чтобы они сами разсудились съ Дасангомъ*. Послѣ многихъ переговоровъ, противная партія, увидавъ, что Волынскій окончательно вооружился противъ Дасанга, согласилась на его предложеніе и было положено пересылку съ Дасангомъ продолжать до тѣхъ поръ, пока они соберутъ войска, каковую обязанность принялъ на себя Волынскій, увѣрявшій Дасанга, что Церенъ-Дондукъ хочетъ примириться. Какъ войска было собрано только 7,000, то Волынскій требовалъ, чтобы они собирали болѣе и когда тѣ основались на томъ, что съ помощью войскъ владѣлицы Даши-Бюрюнъ и русскихъ, они сладятъ съ Дасангомъ, то онъ рѣшительно объявилъ, что если они не прибавятъ войскъ, *то онъ съ ними въ товарищи не пойдетъ; что если теперь съ Дасангомъ, ничего не сдѣлаютъ то впредь такого способа не сыщутъ*.

Дасангъ, поставленный въ нерѣшительность дѣйствіями Волынскаго, невидѣвшій исхода, такъ какъ Волынскій держалъ его въ городѣ, не допускалъ сноситься съ намѣстникомъ, рѣшился пожертвовать братомъ, какъ причиною злобы на него Волынскаго. Планъ свой онъ передалъ на усмотрѣніе губернатора и отпущенный домой, онъ послалъ за Нитаромъ. Послѣдній, ничего неподозрѣвавшій, былъ схваченъ при входѣ въ кибитку брата и удавленъ шелковымъ шнуркомъ [46]). Волынскій исполнилъ обѣщаніе и далъ зайсангу Байбасару и другимъ, распоряжавшимся удушеніемъ Нитара, 300 р., а между тѣмъ послалъ прапорщика Страхова съ 50 драгунъ и 200 казаковъ, доставить къ нему тѣло Нитара. 14 сентября, тѣло было привезено и Волынскій осмотрѣвъ и убѣдившись, что это былъ Нитаръ-Дорджи, приказалъ отправить трупъ въ улусъ, для погребенія.

Послѣ смерти Нитара, Волынскій опять началъ держать сторону Дасанга и на съѣздѣ 20 сентября, гдѣ было положено окончательно рѣшить дѣло, онъ началъ уже отклани-

---

[46]) Это было 12 сентября 1725 г. Нитаръ былъ очень силенъ; нѣсколько человѣкъ, болѣе полчаса не могли съ нимъ сладить. Уже послѣ смерти Дасанга, Волынскій потребовалъ отъ Петра Тайшина возвратить ему отраву, приготовленную для Нитара, по его приказанію, штабъ-лекаремъ Яганомъ Миллеромъ.

вать. 21 сентября, ночью, Волынскій получилъ свѣдѣніе, что Дондокъ-Даши отдалъ приказъ войскамъ приготовлять ружья и быть готовыми, а 22 числа намѣстникъ прислалъ сказать, что онъ болѣе не будетъ и отправляется домой.

Эти дѣйствія Волынскаго, были причиною вооруженія противъ него почти всѣхъ владѣльцевъ. Намѣстникъ прислалъ письмо, въ которомъ прямо обвинялъ, что онъ въ ихъ междоусобной ссорѣ вмѣшивается и ихъ обманываетъ, такъ какъ самъ настаивалъ собирать болѣе войска [47]). Церенъ-Дондукъ посылалъ три жалобы на Волынскаго; но послѣдній умѣлъ выказать себя предъ Императрицей тѣмъ, что принялъ «*ту сторону, отъ которой было болѣе пользы россійскому государству*» и Императрица, въ отвѣтѣ своемъ намѣстнику, писала, что Волынскій дѣйствовалъ по Ея волѣ и изъявляла неудовольствіе на междоусобіе въ народѣ, приписывая безпорядки слабому управленію его Дондука и потворству его нѣкоторымъ владѣльцамъ и особенно Дондукъ-Омбѣ.

Распря въ калмыцкомъ народѣ не прекращалась, а шла все далѣе: Дасангъ, Петръ Тайшинъ, Хошотъ-Дондокъ, Лекбей и Даши-Бюрюнъ, отдаленные Волынскимъ на Донъ, 27 сентября прислали своихъ зайсанговъ съ просьбою къ нему, чтобы не выводить ихъ изъ линіи до зимы и присовокупили, что «распря у нихъ идетъ многіе годы и не кончится до тѣхъ поръ, пока какая нибудь сторона не будетъ уничтожена, почему, они пробывши въ линіи до зимы, по льду перейдутъ на луговую сторону, пойдутъ войною и тогда, или они, или ихъ уничтожатъ и будетъ миръ». Дондукъ-Омбо, впрочемъ, предупредилъ ихъ и перейдя по льду на нагорную сторону, 18 февраля разбилъ Лекбея у Пятіизбянской станицы. Правительство, чтобы придать Церенъ-Дондуку болѣе силы, въ 1731 году, утвердило его ханомъ; но это, какъ мы видѣли, не помогло дѣлу и Дон-

[47]) На это письмо, Волынскій 27 сентября далъ слѣдующій отвѣтъ: что, онъ въ этомъ раздѣлѣ не принимаетъ участія и не хочетъ, такъ какъ не видитъ никакой пользы; что дѣло нужно было рѣшить по суду, или миролюбиво, какъ честнымъ людямъ, а не обманомъ. О себѣ же, на укоризны намѣстника, отвѣчалъ, что «Государыня Императрица и всѣ честные люди, гдѣ онъ ни былъ, извѣстны, что онъ добрый человѣкъ, въ чемъ и дѣла его предъ всѣмъ честнымъ свѣтомъ могутъ свидѣтельствовать».

дукъ-Омбо, спустя пять мѣсяцевъ послѣ объявленія дяди ханомъ, разбилъ его 15,000 отрядъ въ ур. Сасколяхъ [48]). Разбитіе только что утвержденнаго русскимъ правительствомъ хана, вынудило Императрицу принять рѣшительныя мѣры, почему, указомъ 9 декабря 1731 г., назначенъ изъ Петербурга генералъ-лейтенантъ князь Иванъ Барятинскій *съ полною мочью* (Д. 1731 г., № 48). Прибывъ въ Царицынъ, онъ неоднократно вызывалъ Дондукъ-Омбу, но безуспѣшно; писалъ Астраханскому губернатору Измайлову уговорить Дондукъ-Омбу явиться къ нему; но послѣдній не являлся. Сдвинувъ полки съ Дона, Барятинскій въ февралѣ мѣсяцѣ выступилъ. Въ военномъ совѣтѣ 5 февраля (Д. 1732 г., № 63) было положено идти на Куму, чтобы пресѣчь Дондукъ-Омбѣ сообщеніе съ Кабардою и Крымомъ, гдѣ, съ Кавказской линіи, на Мажарахъ, былъ уже выставленъ генералъ-маіоромъ Еропкинымъ отрядъ подъ командою подполковника Ольца. Во время движенія, получено было извѣстіе, что Дондукъ-Омбо идетъ къ Астрахани. Предположивъ, что Дондукъ-Омбо намѣревается перейти Волгу и двинутся къ Уралу, такъ какъ путь на Кубань ему загражденъ, въ военномъ совѣтѣ 16 февраля, было рѣшено съ Салу идти прямо степью на Астрахань, а часть войскъ отправить на подводахъ въ г. Черный-Яръ. Русскія войска блуждали по степи не зная дорогъ и когда подошли къ Астрахани, то оказалось, что Дондукъ-Омбо отошелъ на Кубань, причемъ, окруживъ Ольца, прошелъ по обѣ его стороны, не тронувъ, чѣмъ какъ бы указывалъ, что онъ могъ истребить этотъ отрядъ.

---

[48]) Изъ описанія этого сраженія видно, что въ ханскомъ войскѣ командовали самъ ханъ, правымъ крыломъ—братъ его Галданъ-Данджинъ и лѣвымъ—Шакуръ-лама,—въ войскѣ Дондукъ-Омбо командовали: центромъ—онъ самъ, правымъ крыломъ—братъ его Бокшурга и лѣвымъ—Петръ Тайшинъ. При началѣ битвы, Галданъ-Данджинъ ударилъ на Петра Тайшина, смялъ его и погналъ; но при этомъ, ханъ не съумѣлъ воспользоваться планомъ Галданъ-Данджина. Дондукъ-Омбо, разбивъ хана и Шакуръ-ламу, оборотилъ войска противъ Галданъ-Данджина, котораго также разбилъ. Очевидцы разсказываютъ, что степь отъ Сасколей до Селитрянаго (теперь селенія этихъ названій въ Енотаевскомъ уѣздѣ), на разстояніи 40 верстъ, была усѣяна трупами. Петръ Тайшинъ, взятый впослѣдствіи въ г. Красномъ-Яру, при отправленіи его въ Петербургъ, въ допросѣ 21 марта 1732 г. (Д. 1731 г., № 5, пунк. 23), показалъ, что въ войскѣ хана, была измѣна.

Отправивъ часть войскъ противъ Петра Тайшина, князь Барятинскій занялся приведеніемъ въ порядокъ дѣлъ, возвратилъ хану 13,834 кибитки подвластныхъ, матери его ханьшѣ Дармѣ-Балѣ и Галданъ-Данджину 4000 и Шакуръ ламѣ 4300 кибитокъ (Д. 1731 г., № 5). Этимъ порученіе Барятинскаго и кончилось,—по указу 17 іюня 1733 г., № 337, онъ отозванъ въ Лифляндію, гдѣ назначенъ командовать корпусомъ подъ Ригою, а на мѣсто его назначенъ генералъ-маіоръ Тараканов (Д. 1732 г., № 59).

ПОГАШЕНО

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Время перехода калмыковъ въ Россію и причины этого движенія. . .	1
Аюка ханъ.	8
Церенъ-Дондокъ ханъ.	16
Дондокъ-Омбо ханъ	18
Дондокъ-Даши ханъ	28
Намѣстникъ ханства Убуши.—Обратный переходъ большей части калмыковъ въ китайскія владѣнія	33
Правительственный надзоръ	59
Ханская власть и судъ надъ народомъ	62

№ 5

КОПИРОВАНИЕ